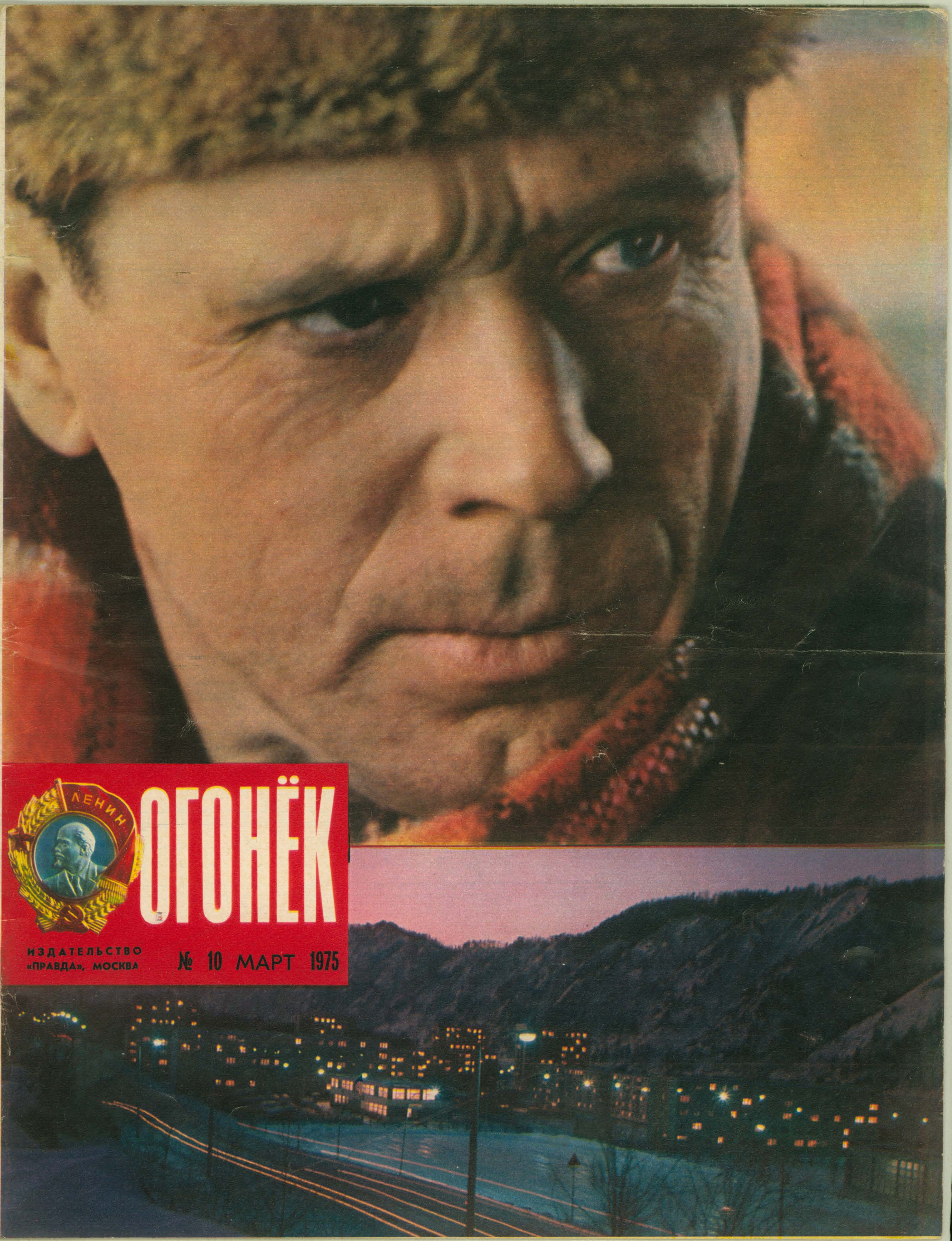

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 10 МАРТ 1975

Здесь на главном конвейере будут собирать и новый «Москвич».

пятилетка
на финише

СЧАСТЛИВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 10 (2487)

1 МАРТА 1975

П. И. Тараненко в кабине новой машины.

Фото А. ГОСТЕВА.

Нам повезло: первыми из журналистов мы совершаем поездку в новом автомобиле «Москвич — 21-40». За рулем заместитель главного конструктора кандидат технических наук П. И. Тараненко. Он запускает мотор, и машина плавно трогается, быстро набирая скорость.

Первое ощущение — ни шума, ни тряски. Мы пристегнуты ремнями безопасности. На переднем сиденье удобно, словно в домашнем кресле. И обзорность идеальная. Спинку можно установить под любым углом. Заодно с ней смонтирован подголовник — он не только удобен, но и защитит пассажира при аварии.

Передняя панель приборов сделана по последней автомобильной моде и выглядит нарядно. В то же время она мягкая, травмобезопасная.

Предшествующая модель «Москвич — 412» отвечает всем требованиям активной и пассивной безопасности. В свое время она прошла во Франции целый комплекс испытаний, добиваясь специального международного знака. Новому автомобилю такой знак завоевать еще предстоит, а требования с каждым годом ужесточаются. И конструкторы, создавая машину, ни на минуту об этом не забывали...

Тараненко слегка поворачивает элегантное рулевое колесо, и машина послушно переходит в другой ряд. Потом заместитель главного конструктора демонстрирует новую систему очистки передних фар. Осенью и зимой они очень быстро загрязняются, и, чтоб очистить их, водителю не нужно останавливаться, выходить из машины. На-

ГО ПУТИ!

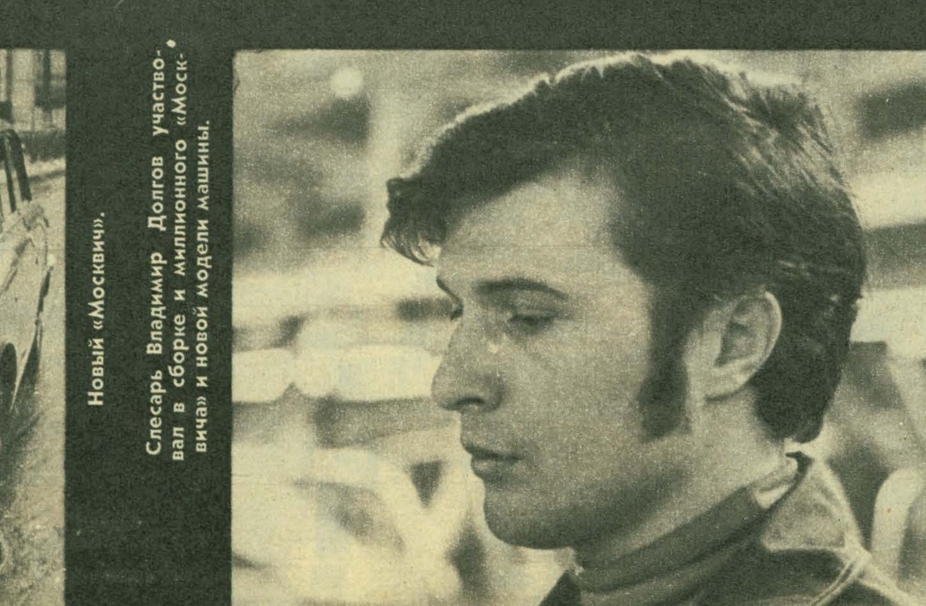

Группа испытателей «Москвича — 21-40»: А. Т. Чекулаев, И. В. Соколов, А. А. Силин.

жав на клавиши, он запускает омыватель и щетки. Заднее сиденье нового «Москвича» стало шире — сглажены внутренние брызговики колес. Теперь сзади трем пассажирам будет удобнее.

«Убежав» с перекрестка быстрее других, мы в считанные секунды набираем контрольные 100 километров. Водитель пускает машину в накат.

— Проверим тормоза? — предлагает он. И чуть прижимает педаль. Они действуют мгновенно. Павел Иванович поясняет: — Система тормозов раздельная для передних и задних колес. Это обеспечивает повышенную надежность. Причем обратите внима-

Новый «Москвич».

Слесарь Владимир Долгов участвовал в сборке и миллионного «Москвича» и новой модели машины.

ние: на передних колесах стоят дисковые тормоза — тоже существенное усовершенствование.

...Автомобиль останавливается у обочины. Выходим. Внешность «Москвича — 21-40» заметно изменилась по сравнению с моделью, которую мы все хорошо знаем. У него другой капот и крышка багажника, иные очертания крыльев, задние фонари. В салоне принудительная вентиляция, о чем напоминают вытяжные решетки на задних стойках.

— Комфорт и надежность должно обеспечить и новое диафрагменное сцепление,— замечает Павел Иванович.

Мы разворачиваемся и мчимся назад...

— Почему завод на сей раз изменил традиции всех фирм мира: раскрыл техническую тайну, показав автомобиль, который собирается выпускать только к концу 1975 года? — спрашиваем генерального директора объединения «Автомосквич» В. П. Коломникова. Он улыбается:

— Одним секретом больше; одним меньше... Думаю, наша фирма от этого не пострадает. На внутреннем рынке спрос на «Москвичи» стабилен, а для зарубежных покупателей лучшей рекламой служат долговечность и надежность этих машин. Она доказана на ралли Лондон — Мехико и подтверждена в недавно закончившемся ралли «Тур Европы-74». В последний раз советские гонщики на «Москвичах» завоевали все первые призы, оставив позади «порше», «БМВ», «ситроены», «форды», «фольксвагены». Заметим, что около 60 процентов продукции завода имени Ленинского комсомола идет за рубеж.

За двадцать пять лет автозавод имени Ленинского комсомола выпустил более двух миллионов машин пятидесяти моделей и модификаций. «Москвичи» не раз поражали мир своей надежностью. Непрерывному росту продукции способствуют постоянные реконструкции, совершенствование производства. Успешно закончен четвертый год пятилетки. Сверх плана выпущено 1 315 машин. Создается полностью автоматизированная система управления предприятием.

За три с небольшим года производительность труда на заводе возросла на 47 процентов. За счет чего? В основном благодаря интенсивной механизации многих процессов. В крупных цехах — окраски автомобилей, гальванопокрытий — более 95 процентов всех тяжелых работ выполняют машины. И еще интересная деталь: менее чем за два года окупились затраты на перестройку производства и возведение огромного нового комплекса площадью 228 тысяч квадратных метров.

Одна из главных задач, которые сейчас решает коллектив,— дальнейшее повышение качества машин. Каждого, кто минует проходную, встречает транспарант: «Автозаводец! Что ты сделал для присвоения «Москвичу» государственного Знака качества?»

В цехах мы видели графики, показывающие ход аттестации деталей, узлов, агрегатов. Руководство завода создает комплексную творческую бригаду в каждом случае, когда вдруг обнаружится непорядок в том или ином звене сложного технологического процесса.

Интенсифицируя уже налаженное производство, коллектив завода готовится к пуску модели «21-40». Конструкторы разрабатывают рабочие чертежи, технологи — процессы обработки. Можно не сомневаться, что новый «Москвич» достойно продолжит славную династию советских малолитражек.

В ответ на Обращение ЦК КПСС к партии, к советскому народу автомобилестроители развернули широкое социалистическое соревнование под девизом: «Заказам для нового автомобиля — зеленую улицу!» Автомобилестроители приняли на завершающий год пятилетки напряженные социалистические обязательства. Один из первых пунктов — начать серийное производство нового автомобиля. Счастливого ему пути!

С. БЕРЕЗНИЦКАЯ,
Ю. ЗАРУБИН

СОВЕТСКОЙ

Выставка «В боевом строю», посвященная 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, — это творческий отчет Студии военных художников имени М. Б. Грекова за 40 лет ее деятельности. 21 февраля экспозицию, которая была открыта в Центральном выставочном зале Москвы, посетили товарищи Л. И. Брежнев, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, Д. С. Полянский, А. Н. Шелепин, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев.

С экспозицией руководителей партии и правительства знакомил начальник студии полковник А. Е. Бакланов.

Руководители партии и правительства пожелали художникам-грековцам новых больших успехов в их творчестве.

На снимке: во время осмотра выставки.

Фото В. Мусаэльяна и В. Черединцева (ТАСС).

СОВЕТСКО-ГВИНЕЙСКИЕ

АРМИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПЕРЕГОВОРЫ ЗАВЕРШЕНЫ

21 февраля в Кремле завершились переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Б. Н. Пономаревым и главным комиссаром Совета государственных комиссаров Республики Гвинея-Бисау, членом руководства Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК) Франсиско Мендесом.

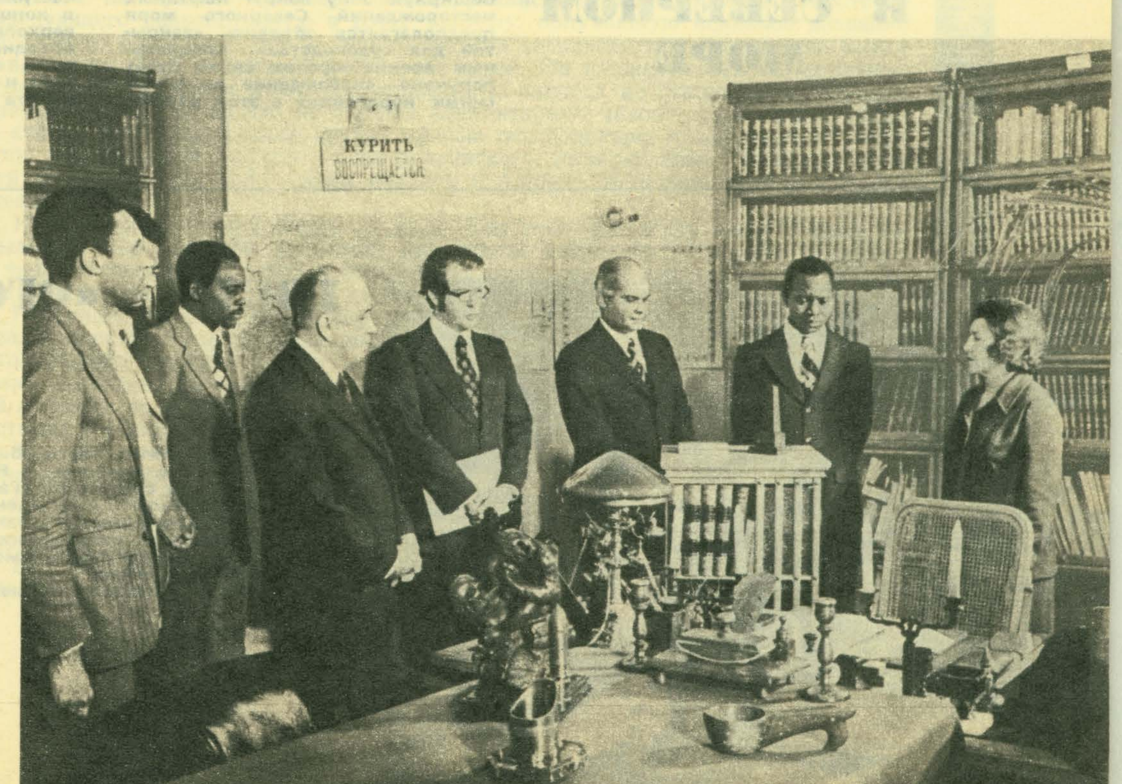
В ходе переговоров, проходивших в духе полного взаимопонимания, состоялся полезный обмен мнениями по широкому кругу вопросов, связанных с дальнейшим развитием советско-гвинейского сотрудничества в различных областях. Было выражено твердое убеждение, что состоявшиеся встречи и беседы явятся важным вкладом в дело укрепления дружбы между Советским Союзом и Республикой Гвинея-Бисау, дело мира и социального прогресса.

В Кремле состоялось подписание советско-гвинейских документов. Подписаны соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, соглашение о культурном и научном сотрудничестве, торговое соглашение и другие документы.

◀ **Во время переговоров.**

Посещение партийно-правительственной делегацией Республики Гвинея-Бисау музея «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле». ▶

Фото А. ГОСТЕВА

ВЫСТАВКА ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА В ХЕЛЬСИНКИ

Посещение президентом Финляндии У. Кекконеном выставки И. Глазунова.

«На выставке советского художника Ильи Глазунова побывало рекордное число зрителей. За неполные три недели с его творчеством познакомились 43 тысячи человек». Такая информация обошла в конце января большинство финских газет. Показ почти двухсот работ заслуженного деятеля искусств РСФСР Ильи Глазунова в крупнейшем выставочном зале Хельсинки Тайдехалли стал, по высказыванию здешней печати, крупным событием в культурной жизни финской столицы.

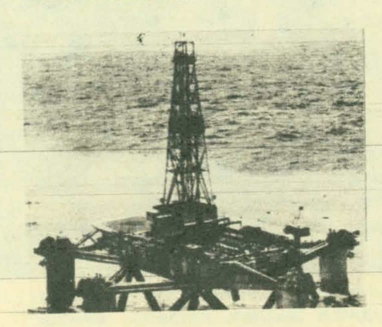
На первой странице каталога, который был подготовлен к выставке, напечатаны слова президента У. К. Кекконена.

«Произведениям Ильи Глазунова, — пишет президент Финляндии, — присущи, на мой взгляд, многие черты мастерства. К ним относятся, например, проникновение в моральные проблемы нашего времени, стремление определять контуры внутреннего мира человека, а также верность народной основе русской культуры, из которой исходит стремление к новаторству. Искусство Глазунова интересует людей и никого не оставляет равнодушным. Надеюсь, что посетители выставки испытают то же самое».

Общественность и пресса финской столицы действительно не остались равнодушными к работам советского художника. Газета финских коммунистов «Тиедонантая» предпослала к своей статье заголовок «Красочное искусство Ильи Глазунова». В большой статье, озаглавленной «Через национальные традиции к интернациональному», крупнейшая газета Финляндии «Хельсингин саномат» писала: «Выставка — искреннее признание художника в любви к своей родине, ее истории и сегодняшнему дню, а также его глубокий интерес к международным событиям. Именно интернациональность, возникающая из сильного национального чувства, является одной из интереснейших черт выставки». Подчеркивая, что история России, русская литература и русский народ вдохновили художника на создание лучших своих творений, автор статьи отдает должное также тем разделам выставки, которые посвящены Вьетнаму и Чили; особенно он отмечает портреты С. Альенде и Л. Корвалана.

«Кансан уутисет» обратила внимание на иллюстрации к произведениям классиков русской

Наша реплика

ЧЕГО ИЩЕТ НАТО В СЕВЕРНОМ МОРЕ

Последнее время НАТО усиленно интересуется... Норвегией. Так называемая Еврогруппа НАТО решила создать специальный комитет «по изучению ситуации, возникшей в Северном море у норвежских берегов».

«Какой такой «возникшей ситуации»?» — спрашивают себя сегодня многие норвежцы. Как известно, международная обстановка в этом районе мира отличается спокойствием и отсутствием каких бы то ни было кризисов и потрясений. Оказывается, речь идет о плане натовской военщины «взять под свою защиту» буровые платформы, с которых в Северном море добывают нефть. Для осуществления этой «защиты» промыслов (их, мол, надо срочно охранять от неких «диверсантов и террористов») планируется создание специального соединения военно-морских сил Североморского бассейна членов НАТО. В натовский флот предполагается включить боевые корабли США, Великобритании, ФРГ, Норвегии, Дании, Бельгии и Голландии. На буровых платформах разместится военный персонал. Обширную зону вокруг нефтяных месторождений Северного моря предполагается объявить «закрытой для судоходства». Специальным военно-морским силам будет поручено «наблюдение за советскими кораблями» в этом районе.

Общественность Норвегии и соседних с ней скандинавских стран справедливо обеспокоена «военно-нефтяными» соображениями и проектами натовского руководства. Как отмечает прогрессивная скандинавская печать, реализация этих проектов была бы грубым нарушением международных правовых норм, касающихся свободной навигации в открытом море, и причинило бы ущерб судоходству многих стран. Новоиспеченный проект наглядно демонстрирует агрессивную сущность Атлантического блока, его нацеленность на разжигание военной истерии, напряженности в международных отношениях.

«Совершенно очевидно,— пишет выходящая в Осло газета «Фрихетен»,— что за этим проектом скрывается вовсе не страх перед какими-то «актами саботажа». Газета подчеркивает, что «специальные военно-морские силы» могут быть использованы руководителями НАТО для прямого давления на Норвегию, а также в провокационных целях.

В столицу Норвегии сейчас зачастили атлантические эмиссары: в конце января в Осло побывали верховный главнокомандующий объединенными силами НАТО в Европе, американский генерал А. Хейг и председатель военного комитета блока английский адмирал П. Хилл-Нортон. Многие обозреватели связывают это «внимание» НАТО к Норвегии с кампанией, поднятой реакционной печатью альянса по поводу того, что страна в последние годы «отдаляется» от коллег по НАТО, и поэтому, мол, надо «продумать акции для укрепления совместной с ними политики», в частности военного ангажемента Осло в североатлантических делах. В качестве примеров «отдаления» называются такие шаги, как отказ Норвегии от размещения военных баз и ядерного оружия на своей территории, а также некоторые меры, продиктованные стремлением норвежцев защитить свои экономические интересы и государственную самостоятельность.

Вряд ли кого может ввести в заблуждение «озабоченность» натовской верхушки. Ее бурная деятельность в последнее время, в том числе интриги, которые она плетет вокруг Норвегии, идет в разрез с набирающим силу процессом международной разрядки, противоречит интересам безопасности и сотрудничества в Европе.

Юрий КУЗНЕЦОВ,

Хельсинки, по телефону.

На снимке: вот те самые буровые платформы, «непрошеную заботу» о которых проявляет НАТО. Фото из журнала «Шпигель».

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

Культурная деятельность общества «Галерея Гэккосо» широко известна в Японии. Дружеские отношения связывают «Галерею Гэккосо» с художественной общественностью нашей страны. «Галерея» неоднократно устраивала выставки русских и советских художников в Японии. Последнюю такую выставку посетило три миллиона японцев.

В редакции «Огонька» побывали руководители «Галереи Гэккосо». Гости рассказали о большом интересе в Японии к культуре и искусству Советского Союза.

На снимке (справа налево): президент «Галереи Гэккосо» И. Накамура, переводчица М. Хори, директор Салона Художественного фонда СССР по экспорту М. А. Бакулева, вице-президент общества И. Фудзивара в редакции «Огонька».

литературы: «Психологический подход здесь выражен мастерски сильно. Замечательные работы».

В конце января художник передал в дар организации «Сторонники мира Финляндии» написанный им портрет видной финской общественной деятельницы, депутата парламента, генерального секретаря организации «Сторонники мира Финляндии» лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Мирьям Вире-Туоминен. При вручении портрета присутствовали председатель КПФ А. Сааринен и вице-председатель КПФ Т. Синисало, поздравившие автора с успехом.

Вручая через несколько дней свой дар обществу «Финляндия — Советский Союз» — портрет генерального секретаря общества Кристины Поркала, Илья Глазунов сказал: «В Советском Союзе хорошо знают и любят людей, работающих в обществе «Финляндия — Советский Союз» на благо укрепления дружбы между нашими странами и народами».

По завершении выставки свою благодарность автору выразил мэр города Хельсинки Теуво Аура. В его письме говорится, что выставка работ Ильи Глазунова имела огромный успех и оказалась убедительным доказательством высокого мастерства художника как живописца, графика и портретиста. Исключительно большое число посетителей Т. Аура расценивает как свидетельство интереса финнов не только к искусству И. Глазунова, но и к современному советскому искусству вообще.

После завершения выставки Илья Глазунов вместе с директором «Института Советского Союза» Вальдемаром Меланко совершил поездки по местам, связанным с пребыванием В. И. Ленина в Финляндии.

Хельсинки, Тампере, Турку... В рисунках и набросках художник запечатлел дома, квартиры, обстановку комнат, в которых жил и работал вождь революции.

Выставка Ильи Глазунова в Хельсинки стала заметным культурным событием. Она, без сомнения, внесла новый вклад в развитие культурных связей между Советским Союзом и Финляндией.

Д. ГАЙМАКОВ, соб. корр. АПН

г. Хельсинки.

В одном из концлагерей фашистской хунты.

ПЕРЕД СУДОМ НАРОДОВ

Пять дней в Мехико продолжалась работа Третьей сессии Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты в Чили. Членами комиссии были опрошены сотни свидетелей: чилийцев и граждан других национальностей. Многие из них пережили ужасы тюрем и концлагерей клики Пиночета. Они рассказали о преступлениях фашистского режима. На пленарных заседаниях были представлены убедительные доказательства террора и зверств, творимых хунтой. В том числе различные документы, а также фотографии и фильмы, снятые в Чили и тайно вывезенные из страны патриотами. Третья сессия Международной комиссии приняла ряд документов. Среди них — «Заключительная декларация», ставшая, по существу, актом общественного обвинения клики Пиночета и ее преступлений. Декларация призывает «все правительства и все международные организации разоблачать тяжелейшие преступления, совершаемые хунтой... добиваться немедленного и безусловного освобождения всех политических заключенных, закрытия всех концентрационных лагерей и отмены «осадного положения».

АФРИКА ХОРОШО НАЧАЛА!

Игорь БЕЛЯЕВ

В этом году отмечается своеобразная историческая дата: пятнадцать лет назад бурно началась политическая деколонизация Африки. За один год 17 африканских стран стали независимыми. В честь этого исторического события 1960 год был назван годом Африки. Сейчас на африканском континенте 42 суверенных государства. Летом нынешнего года станет независимым Мозамбик. Предпринимаются усилия, направленные на то, чтобы за ним как можно скорее последовала Ангола. Практически в Африке уже покончено с колониализмом. Однако это вовсе не означает, что она полностью свободна. Начинается новый этап в жизни и борьбе африканских народов — этап избавления от расизма и апартхейда. Стремительный крах португальского колониализма означал, что и вокруг этого оплота, одного из самых отвратительнейших порождений империализма, рухнула стена, преграждавшая путь к свободе.

В 1963 году, всего каких-нибудь двенадцать лет назад, на III Конференции солидарности народов Азии и Африки в Моши, делегаты пели песню о том, что не за горами день, когда свобода перешагнет через реку Лимпопо. Тогда многим казалось, что певшие эту песню чересчур оптимисты. Таким прочным казался португальский колониализм? Пожалуй, нет. Ведь за ним стояли НАТО, вся мировая империалистическая система угнетения. Потребовались колоссальные усилия, опиравшиеся прежде всего на рост мирового социализма, союзника национально-освободительного движения, чтобы соотношение сил решительно изменилось в пользу народов, борющихся против колониализма, расизма и апартхейда. Один из выдающихся результатов этого процесса — крепнущие советско-африканские отношения. Их становление и развитие способствовали краху колониализма на континенте.

Народы Гвинеи-Бисау, Мозамбика и Анголы знают, сколь велика и бескорыстна помощь Советского Союза. Поэтому сегодня у нас есть все основания гордиться успехами свободной Африки. В них есть и наш вклад.

Плохи дела у расиста Смита в Солсбери. Его власти, а вместе с ней и всей системе расового угнетения в Родезии приходит конец. Но ведь Смит еще держится, даже позволяет себе вызывающе не соглашаться на принятие условий лидеров родезийских африканских освободительных организаций. Но долго ли продержится Смит? Уверен, что нет!

Тревожные, очень тревожные для расистов времена наступили и в Южно-Африканской Республике. В Претории теперь чаще, чем прежде, подумывают о некоем «конструктивном» диалоге. С кем? Свободная Африка отказалась от диалога с рыцарями апартхейда. Лишь немногие африканские лидеры пожелали откликнуться на призыв премьера южноафриканского правительства Форстера, исповедующего разработанную в ЮАР систему, получившую невинное название «раздельного развития». Это не просто система насильственного отделения белых от «небелых». Нет, апартхейд в сто крат хуже. Он предполагает, что коренное население ЮАР, коим являются африканцы, никогда не станет полноправным членом общества, ни за что не обретет элементарные человеческие права. Недаром сейчас все чаще и чаще звучит призыв освободившихся африканских государств объединиться против южноафриканского империализма. Колониальные круги Запада, считая ЮАР своим оплотом в Африке, намерены бороться за его спасение.

И все-таки господину Форстеру худо. Ему приходится все чаще и чаще задумываться над роковым вопросом: как спасти апартхейд? Призрак Салазара все чаще посещает Преторию и напоминает проводникам апартхейда об их подлинном будущем. А оно там же, где покоится колониализм,— на свалке истории.

Несколько лет назад профессор истории француз Рене Дюмон, пытаясь анализировать первые шаги освободившихся африканских государств, писал: «Африка плохо начала!» Он имел в виду экономические трудности развивающихся стран. Однако сейчас, когда «третий мир» начал отчаянную битву за новый экономический порядок, за превращение отношений с развитыми капиталистическими государствами в равноправные, можно утверждать, что Африка вышла на порог новой эры. Наступил конец эпохе дешевых цен на сырье, на труд африканцев. Вчерашние рабы становятся хозяевами своих богатств.

Начавшаяся битва еще далека от завершения. Однако совершенно очевидно, что империализму придется отступать. Свободная Африка полна решимости довести начатую битву до победного завершения.

Нет, свободная Африка хорошо начала! Она пережила политическую деколонизацию. Сейчас она вступает на путь экономического освобождения.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

«Кто назовет их имена!» С этим вопросом «Огонек» обратился к своим читателям в первом номере 1975 года. Там же был помещен снимок, сделанный 2 мая 1945 года у Бранденбургских ворот в Берлине.

Продолжаем публикацию писем тех, кто отозвался на наше обращение.

КТО НАЗОВЕТ ИХ ИМЕНА?

Заряжающий орудийного расчета Шагаев.

Ф. Л. Денисов, наводчик зенитно-пулеметной роты.

М. У. Вербенчук (в пилотке), артиллерист-разведчик.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Митинг на рассвете 2 мая под Бранденбургскими воротами провел 2-й стрелковый батальон 1373-го стрелкового полка 416-й Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии 5-й ударной армии. Он первым подошел сюда с боями. Батальону 1 мая была поставлена задача захватить мост через Шпрее, наступать по левой стороне улицы Унтер-ден-Линден и выйти к Бранденбургским воротам. Штурмовые группы под прикрытием артиллерийского огня и дымовой завесы, сломив сопротивление гитлеровцев, перебрались по обломкам моста через реку Шпрее и подошли к первым домам на Унтер-ден-Линден.

Продвигались вперед с жестокими боями. Но вдали виднелись Бранденбургские ворота, и, несмотря на большие потери в личном составе, воины продолжали геройски сражаться.

Утром 2 мая, напрягая все силы, передовые группы 2-го батальона вырвались на Паризерплац. И вот перед ними Бранденбургские ворота.

Мне, бывшему комсоргу 1373-го стрелкового полка, пришлось действовать в составе одной из штурмовых групп и в числе первых оказаться у Бранденбургских ворот. Надо водрузить на воротах красное знамя. Но где его взять? Все знамена, которые имелись в штурмовых группах, были водружены на разных захваченных объектах. Последнее — после взятия дворца Вильгельма.

Я взглянул на разведчиков — они меня поняли без слов. Метнулись куда-то и вскоре принесли большой тюк красной материи. На такое способны только разведчики! Мы оторвали кусок алой ткани, прикрепили к палке, и я вручил знамя старшему сержанту Ивану Андрееву — одному из лучших воинов-комсомольцев батальона. Вместе с сержантом Н. Бежным он с большим трудом взобрался на Бранденбургские ворота и установил красное знамя.

Вот она, победа! В наступившей необычайной тишине надо было громко произнести это долгожданное слово.

И в тот момент, когда воины уже собирались на митинг, к нам подошел военный корреспондент поэт Евгений Долматовский. Он предложил собраться под самыми воротами, чтобы прочитать только что написанные стихи.

Мне, комсоргу полка, выпала честь открывать митинг. Трудно сейчас словами передать чувства, которые охватили всех нас, когда мы слушали выступления командиров и бойцов, стихи поэта. К сожалению, удалось опознать немногих. Например, я узнал заместителя командира 2-го батальона по политчасти майора Дмитрия Дежурнова.

Надо назвать имена и тех, кого нет на фотографии. Это командир 2-го батальона Хейрулла Сатторович Гюльмамедов (был военкомом в Кировабаде), командир роты лейтенант Крысенко, командир минометной роты капитан З. Червяков, связист старший лейтенант А. С. Трайнин, парторг батальона лейтенант Сергей Халилов, комсорг батальона лейтенант Меджидов.

Снимок Е. Халдея сделан, видимо, позже, а в тот момент у Бранденбургских ворот никаких машин, тем более танков, еще не было, и пленные не появлялись из подвалов зданий.

Все это было потом. А сейчас было еще не остывшее оружие, напряженные, еще не мирные лица—и только первые слова о победе, которые еще не воспринимались как реальные. Слишком сильно было напряжение, свежа память о потерях!

И. ВУЛ

Львов.

СТОЮ НА ТАНКЕ

Помню, как нас фотографировали у Бранденбургских ворот, где я встретился с сибиряками. Это тан-

КТО НАЗОВЕ

П. П. Сырвачев, минер-подрывник, и ездовой орудийного расчета Щетинин.

И. А. Бородулин, командир взвода полковой разведки.

кисты, с которыми я стою на танке. Я был артиллеристом-разведчиком 208-го гаубичного артиллерийского полка. Этот снимок мне о многом напоминает. Вот один из эпизодов уличного боя на подступах к рейхстагу.

Наша группа разведчиков была окружена войсками фашистов в доме с глухим двором. В подвалах и на первом этаже дома пряталось гражданское население. Фашисты из огнеметов подожгли этот дом, не считаясь с тем, что там дети, старики, женщины. Враги пытались заставить нас сдаться, но мы не сдавались, а искали выход. Одна стена здания выходила на ту сторону, где находились наши войска. Кувалдами мы выбили пролом в стене и в первую очередь вывели гражданское население — люди задыхались от дыма и огня, а потом вышли сами.

Среди нас был командир дивизиона Герой Советского Союза майор Рязанцев — сибиряк, из Кемерова. В настоящее время я живу в Мурманской области, в поселке Росляково.

М. ВЕРБЕНЧУК

ТОСТ ЗА ПОБЕДУ

Для меня война закончилась именно на этой площади, перед этими воротами. Хорошо помню хмурое утро, но столько радости на душе было!

Помню и митинг. Я здесь, если можно так сказать, официально услышал о капитуляции Берлина. Видел, что фотографируют, и тоже пытался попасть в объектив. И, кажется, попал. Почему не уверен? Трудно себя узнать через 30 лет. Мне тогда было 19... И я бы, пожалуй, не стал писать, но дочка просматривала «Огонек», позвала меня и говорит: «Папка, это не ты сфотографирован?»

На снимке я стою между военнослужащими в фуражках, повернув голову к объективу.

Мне вот что вспомнилось. На втором плане у пушки, прицепленной к студебеккеру, группа солдат. Я подходил к ним. Прямо на лафете был собран праздничный «стол». Они предложили мне выпить за Победу в Берлине. Трудно было отказаться, и я выпил с ними за Победу, за погибшего друга Васю Мартынова, который не дожил до этого радостного часа всего пять дней.

Я воевал в 1-й гвардейской танковой армии, в составе 4-й зенитной артиллерийской дивизии в зенитно-пулеметной роте наводчиком.

В составе 1-й гвардейской танковой армии я прошел путь с Магнушевского плацдарма до Берлина.

В ноябре 1945 года меня откомандировали в распоряжение советской военной администрации земли Саксония, в военную комендатуру города и района Ауэрбах.

Видел, как немцы постепенно, трудно, но верно понимали, кто для них настоящие враги и кто настоящие друзья. В какой-то мере я себя считаю причастным к этому.

Ф. ДЕНИСОВ

Ростовская область.

ЕСТЬ ЧТО ВСПОМНИТЬ

Никогда не думал, что придется увидеть себя, своих однополчан снова, и хоть эта встреча произошла просто по фотографии, я рад ей.

На снимке я слева, в фуражке и накидке. Въехали мы в Бранденбургские ворота на лошадях, белых. Они тоже попали на снимок. С этими лошадьми была целая история. Мы их ночью увели у фашистов.

На фотографии невдалеке от меня женщина, видно только ее лицо. Это наша санитарка. Чуть правее стоит старшина Кирзов.

Здесь еще один солдат мне знаком, фамилию забыл, помню только, что татарин, у него было восемь боевых наград. Получил он их под Ленинградом и Сталинградом.

Меня в армию призвали в начале 1942 года. Попал в местечко Уварово, что под Ленинградом. Из 270 человек в живых осталось одиннадцать.

Я был минером-подрывником 429-го саперного батальона. Оказался «везучим». Много раз одежда моя сгорала, а я оставался цел. За всю войну ни одного ранения.

Приходилось мне брать и Варшаву, отсюда взяли направление на Берлин. Более суток бомбили, скольких солдатушек потеряли, но нет такой силы, чтоб побороть нашу, русскую. Узнали ее враги, не потому ли уже тридцать лет на земле мир.

В том сорок пятом, победном, мне пришлось принять участие и в праздничной демонстрации в Берлине.

Награжден я орденом Славы III степени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За освобождение Варшавы» и другими. Был у меня еще орден Красной Звезды, но вместе с обмундированием потонул в реке Одер.

Сейчас я на пенсии. В мирной жизни вместе со всеми осваивал целину, за что имею медаль.

Очень бы хотелось увидеться с однополчанами. Ведь нам есть что вспомнить.

П. СЫРВАЧЕВ

Целиноградская область.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДЕНЬ

На снимке я узнал себя. В первом ряду слева я пятый. Помню этот шумный и веселый день, нас фотографировали корреспонденты. Тут же вручали награды. Еще помню, что был концерт. А потом нас отправили на Эльбу, на встречу с американцами. В то время мне шел восемнадцатый год. Отец мой погиб в партизанах. Старший брат—под Киевом, средний брат — под Витебском.

Сейчас я живу в Донецкой области, в городе Горловке, работаю на шахте имени Калинина. Сын мой служит в рядах Советской Армии.

П. АГЕЕВ

ВСЕ ЛИКОВАЛИ!

На снимке в большинстве воины нашего 142-го гвардейского стрелкового полка (полевая почта 61989).

Мне кажется, что 76-мм полковая пушка на конной тяге — это наша. Я узнал ездового нашего расчета Щетинина и заряжающего Шагаева.

Наш расчет встречал рассвет 2 мая недалеко от рейхстага. Ночью сообщили: враг сдается. С рассветом послышались приглушенные голоса, команды, все было тихо, и вскоре замелькали белые флаги, простыни...

К 10—11 часам дня перед нами, вокруг нас валялись горы оружия, которое фашисты бросали, а сами нескончаемой вереницей шли дальше... К пушкам подъехали наши ездовые, и мы вскоре очутились у Бранденбургских ворот. Было пасмурно, дымило, но все ликовали.

М. АГИШЕВ

Оренбургская область.

МЫ ИЗ РАЗВЕДКИ

Раннее утро 2 мая 45-го года я встретил у Бранденбургских ворот вместе со своими разведчиками (нас было 11 человек), которые только что вернулись от рейхстага, расписавшись на его колоннах. В то время я командовал взводом разведки (полковой) и был вместе с другими частями командирован на Первый Белорусский фронт, части которого штурмовали гитлеровскую столицу. Я узнал себя на снимке—стою в правом углу, в бушлате без погон. К сожалению, все мои разведчики в это время разошлись по площади, и трудно судить, где кто.

После демобилизации я работал секретарем комитета комсомола в Карелии, по путевке комсомола прибыл на рыболовный флот в Мурманск. Восемь лет — после окончания училища — плавал штурманом на рыболовном траулере, работал старшим диспетчером Мурманского рыбного порта, заочно окончил Петрозаводский государственный университет и вот уже более 10 лет — старший тренер автомобильного и мотоциклетного спорта. Готовлю мальчишек для службы в рядах Советской Армии, стараюсь привить им самые добрые и самые нужные людям качества.

Иван БОРОДУЛИН, полный кавалер орденов Славы

Мурманск.

Т ИХ ИМЕНА?

Вот они, пятеро ветеранов из тридцати, получивших медали. Слева направо: А. Н. Жбанков, А. П. Абрамов, Н. М. Рункова, М. И. Мясоедов, С. А. Рулев.

Фото А. Бочинина

ВСЕГДА ГОТОВЫ

Б. БОРИСОВ

Этот день надолго запомнят не только юбиляры, но, пожалуй, и все работники Филевского автобусно-троллейбусного парка. Праздник начинался уже в вестибюле клуба: яркие транспаранты, торжественно-строгие пионеры, нарядные девушки, подтянутые парни, оркестр, шутки, смех... Грянул марш — и на сцену поднялись люди, к которым здесь знает каждый, к которым не раз обращались за советом и помощью.

Все встали и громом аплодисментов приветствовали тридцать старейших работников парка. Сегодня их вечер, их праздник, сегодня им будут вручать медали «Ветеран труда». Это особенная медаль. Она выдается за долголетний добросовестный труд при достижении пенсионного возраста. Все сегодняшние юбиляры давно могли бы уйти на пенсию, но они работают, да так, что молодым не угнаться. А ведь труд слесаря-ремонтника или особенно водителя, ох, как нелегок!

Вот Алексей Павлович Абрамов. Тридцать восемь лет назад сел он за руль троллейбуса. Попробуйте-ка подсчитать, сколько километров «накрутил», сколько перевез пассажиров! Был, правда, перерыв: четыре года войны, ранения, госпитали... После демобилизации предлагали работу полегче, но Алексей Павлович вернулся в свой родной парк и снова сел за руль. Его и сейчас могут видеть москвичи, ездящие по тридцать четвертому маршруту. Номер его машины 4220.

Один за другим подходят ветераны к столу президиума, получают медали, говорят слова благодарности, не у всех это, правда, получается гладко — слишком уж волнуются. А зал взрывается аплодисментами, гремит туш, девушки вручают цветы, отдают салют пионеры... Когда вручали медаль Александру Николаевичу Жбанкову, оркестр — а это были музыканты из Суворовского училища — сыграл туш трижды. Их нетрудно понять: ведь, кроме фронтовых наград, на лацкане его пиджака несколько нашивок за ранения.

Всего полгода проработал на троллейбусе Саша Жбанков, как грянула война. Уже через три дня он был за рулем «полуторки» — колесил по фронтовым дорогам. Участники войны знают, что такое бои под Калинином и Старой Руссой: Сашина «полуторка» то мчалась на передовую — везла боеприпасы, то осторожно уходила в тыл — вывозила раненых. А в пути артналеты, да и «мессеры» гоняются упорно за каждой машиной. Но Саша всегда пробивался в нужное место. Беда пришла на привале. Машины стояли в реденькой рощице, и «мессеры» за несколько минут превратили их в груду обгорелого металла... Саша был парнем крепким, легким на ногу, и его взяли в разведроту 332-го полка, которым командовал полковник Черняховский. Почти год ходил по вражеским тылам старший сержант Жбанков: добывал «языков», подрывал мосты, уничтожал склады боеприпасов... Но однажды попал в засаду. Тяжелораненый, Жбанков все же пробрался к своим, однако, на фронт больше не вернулся: списали, как говорится, по чистой, с инвалидностью первой группы. Так в конце сорок второго года Александр Николаевич снова оказался в троллейбусном парке. За руль, конечно, не пустили: левая рука висела плетью, давало знать и ранение в голову. Тогда он решил лечиться трудотерапией, проще говоря, пошел слесарить: поначалу случалось, что и бил молотком по пальцам, ронял напильник, бывало, запарывал детали, но час за часом, день за днем приучал руки к работе. Теперь можно смело сказать, что в парке нет ни одного троллейбуса, в котором хоть что-нибудь да не сделано руками Жбанкова.

Среди сегодняшних награжденных немало и женщин, но, пожалуй, самые звонкие аплодисменты выпали на долю Нины Михайловны Рунковой. Она благодарно улыбнулась и подошла к микрофону.

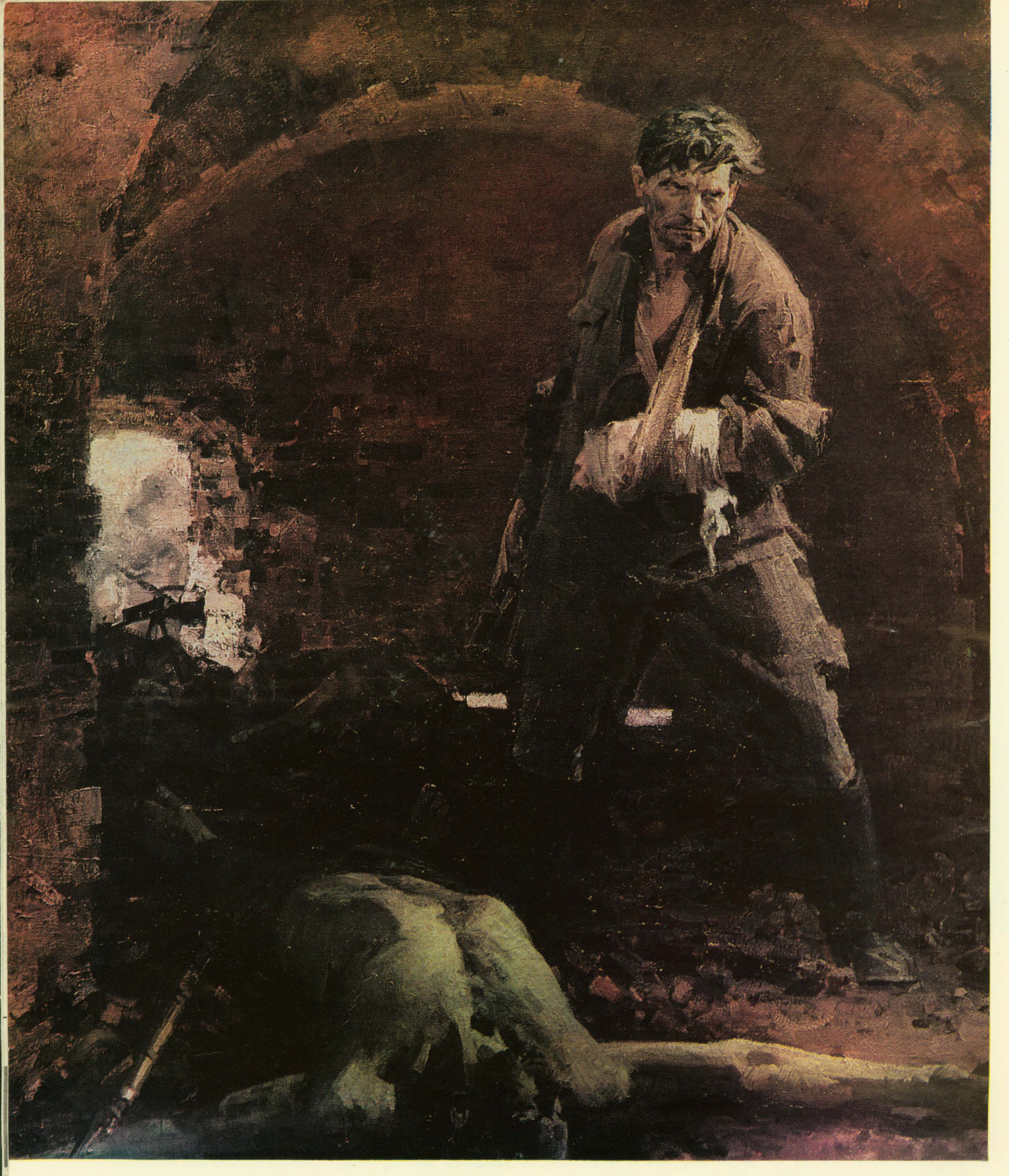
— Вот что я вам скажу, подруги мои дорогие: нынче год женщины и, значит, негоже нам прятаться за мужские спины! К тому же нас, девчонок военного призыва, осталось совсем мало, так что не грех вспомнить, каково нам когда-то пришлось. Мне вот до сих пор говорят: не женским, мол, занимаешься делом, слесарь-пневматик — профессия мужская. Сегодня собрались почти все водители парка, так вот я вас спрашиваю: подвели хоть раз тормоза или компрессоры, которые я чинила? То-то... В этом деле не сила нужна, а ловкость да аккуратность. Думаю, что тут мы с мужчинами можем поспорить. А ведь когда-то у меня была очень даже вкусная профессия: делала мороженое на Филевском хладокомбинате. Когда все мужчины ушли на фронт, был такой призыв: «Девушки — на транспорт!» Пришла я в парк и сказала, что хочу стать водителем троллейбуса. А надо мной смеются: с таким-то росточком и до педали тормоза не достанешь. Смех смехом, но кому-то надо и ремонтировать машины, ведь на весь парк оставалось всего восемь мужчин. Так я стала слесарем-пневматиком и должна вам сказать, нисколько об этом не жалею...

Когда вручили медаль Сергею Андреевичу Рулеву, он сказал:

— В парк я пришел в августе 1940 года, а первый троллейбус вышел на линию второго ноября. Через месяц стал работать на линии и я... Первая бомбежка застигла около Манежа. Тогда там ходили и трамваи — они все, как один, сгорели. А я как-то исхитрился сбросить «зажигалки» и сохранил машину. В самое трудное время в Москве ни на день не прекращалось троллейбусное движение. Это было не так-то просто: бомбежки, затемнение, недостаток электроэнергии, а мы работали. Я, кроме всего прочего, еще и обучал пришедших к нам девчат. Работали они так здорово, что кое-кому и сейчас неплохо бы у них поучиться. Тогда у нас не было и сотни машин. А теперь на сорока восьми маршрутах ходит свыше тысячи автобусов и троллейбусов. Наш парк — крупнейший в стране и единственный, эксплуатирующий одновременно и автобусы и троллейбусы. Ежедневно мы перевозим около восьмисот тысяч пассажиров! По-моему, нам есть чем гордиться. От имени всех ветеранов, и работающих и ушедших на пенсию, я хочу обратиться к молодым: помните, что весь наш опыт, все наши знания в вашем распоряжении. А будет трудно, знайте: ветераны всегда готовы снова стать в строй.

В. Сафронов. КЛЯТВА.

Н. Толкунов. БЕССМЕРТИЕ. (БРЕСТ. 1941 ГОД). Фрагмент.

Василий ШКАЕВ

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

ЛОМТИК ХЛЕБА

Димку Неверова я не видел четверть века, а узнал сразу же, как только услышал в трубке его голос. Да, звонил он, Неверов, давний мой товарищ, однокашник, один из всего нашего выпуска получивший чин контр-адмирала. Он служил в другом городе, в Москву приехал по делам и звал меня отужинать с ним в гостинице.

Я был удивлен и обрадован. Сказал ему решительно: в гостинице мы можем встретиться в другой раз, а сейчас он должен приехать ко мне. Взять такси и немедленно приехать — гостем в Москве был он, а не я. Неверов охотно согласился.

Положив трубку, я уличил себя: втайне я гордился, что собственной персоной контр-адмирал ко мне жалует. Чинопочитание, которое я не одобрял в других, оказалось не чуждо мне самому, и это тем более заслуживало осуждения, что в давние те годы, когда мы были вместе, я-то Неверова не слишком жаловал. Наверное, я больше других был ему тогда поперек горла: изводил его насмешками. Как-то раз на полубаке я похвастался своей рыболовной удачей — для смеха, конечно, как и все мы делали,— а Неверов со всей серьезностью принялся обвинять меня в неправде. Чувства юмора ему недоставало, над ним, конечно, посмеялись, а я, помнится, сказал ему так: «Ты не Димка Неверов, ты Фома Неверов». С того времени Неверова стали звать Фомой.

Бывало и по-другому. Нередко я восхищался им и откровенно ему завидовал. Он был отчаянно храбр. Когда над тобой свистит бомба и ты знаешь, что через миг можешь проститься с жизнью, твоя голова сама собой втягивается в плечи, и ты выглядишь ой как небраво! Поиному вел себя Неверов. Поглощенный делом, он поднимал голову и, морщась от досады, всматривался в небо, как человек, которому просто мешают работать. Глядя на него, и мы не позволяли себе распускаться.

Каков он теперь? Я попытался представить Неверова в адмиральском мундире, и мне удалось это сразу. Осанка у него и в училище была адмиральской, да не только одна осанка. Неверов был адмиралом еще тогда, и таким он цепко держался в моей памяти.

— Может быть, вам в лоджии накрыть?— спросила жена. Она слышала наш разговор и все, разумеется, поняла.— Там не так душно.

Мне было все равно — в лоджии так в лоджии. Жена занялась приготовлениями, а я все гадал и никак не мог догадаться, зачем это адмирал ко мне жалует.

Подумал я так и тут же усовестился: а ну как напраслину возвожу на Димку? Человеку просто захотелось взглянуть на меня. Не на меня, так на Татьяну, он же любил ее. Бывает, иной раз такое нахлынет, что жизни тебе нет без старых друзей. Так и у Димки могло случиться.

Я сказал, чтобы жена поставила на стол бутылку с марочным коньяком. Хотя коньяка там оставалось немного, но все же Димка сможет оценить редкий его аромат. Жена виновато ответила, что бутылку-то она подаст, только там теперь не тот коньяк: она разбавила его другим, обыкновенным.

Вскоре явился Неверов. Он поцеловал руку Татьяне и шагнул ко мне. Помедлил немного и только после этого обнял меня.

...На балконе мы вновь были юными, как четверть века назад. Наш дом у пруда на пригорке, на семи ветрах, выложенный светло-серой плиткой, длинный и высоченный, вполне мог сойти за крейсер. Сам же балкон на пятнадцатом этаже с перилами-леерами был как бы корабельным мостиком. Так ли, не так ли, а двоим морякам — одному бывшему, другому нынешнему — было здесь неплохо. Еще немного фантазии, и живописный адмирал, сидевший передо мной в кресле, обратился в молоденького лейтенанта на сигнальном мостике...

...Воздушная тревога! Все твое существо единым мигом пронизывает эта команда. Нужно держать себя в узде, потому что сейчас-то и требуется самая спокойная, самая четкая и самая трезвая работа. Десятки распоряжений получаешь, десятки распоряжений отдаешь, а голова сама собой, будто бы не твоя, поворачивается в ту сторону, откуда с ровным гулом идут «юнкерсы», тяжело груженные бомбами. В бинокле они до жути отчетливы, особенно головной. Тупорылый хищник шел точно на цель и вел за собой остальную армаду. Уже били зенитки со всех сторон, уже белые клочки снарядных разрывов усеяли голубое небо вблизи самолетов, но они, ведомые головным, шли и шли.

«Красиво идут гады»,— срывается у меня с языка, хотя красоты никакой не было. Какая может быть красота у тупорылых уродин, несущих смерть?

«Нагло идут,— добавляет Неверов, и я чувствую, как его спокойствие передается мне.— У головного штанишки уже мокрые»,— небрежно бросает он.

Откуда он знает это? Почему так убежденно говорит? Но я верю ему безоглядно и чувствую, как в сердце у меня зарождается торжество.

«Юнкерсы» все идут. Уже без бинокля, невооруженным глазом отчетливо видны их жирные туши с горбинкой на спине — чужие, недобрые силуэты.

Головной самолет резко срывается в пике. С нарастающим воем он идет почти отвесно на наш корабль, прямо на меня, глядя в упор единственным, как у циклопа, оком, в котором нет ничего понятного человеку, а есть только непонятное, нечеловечески тупое ожесточение.

Загрохали скорострельные пушки с кормы. С носа в упор падающему бомбардировщику, прямо в тупое его рыло с долгим, надежным постоянством ударили крупнокалиберные зенитные пулеметы. И смерть — сама смерть!— не выдержала такой встречной ярости.

Раньше, чем того требовал расчет, летчик сбросил все четыре бомбы, и они полетели в воду. Затем я увидел кресты — сначала на боку, потом на крыле машины — и только в следующий миг догадался, что самолет, пытаясь уйти от лобового огня, делает вираж в сторону. Не уверен, на самом ли деле или потом, вспоминая, я это невольно присочинил, но мне кажется до сих пор, что на короткий миг я увидел лицо пилота. Оно было безумно. Предположение Неверова касательно штанишек этого фашиста казалось в тот момент слишком уж деликатным.

Свернуть в сторону он все же успел, но маневр был уже напрасен, гибель настигла его до того. Самолет разом вспыхнул черно-красным огнем и, круто завалившись на одно крыло, показав на момент свое брюхо, тяжело рухнул в Неву. Редкая красота была в этом зрелище!

Сколько времени длился яростный бой, если считать, что он начался с чувства страха (что ни говори, а все же со страха), продолжался, когда Неверов, сам о том не зная, сначала вдохнул в меня бодрость, а потом предсказал гибель головного бомбардировщика, продолжался и после этой гибели, а завершился тем, что, потеряв еще четыре машины, сбросив бомбовый груз где придется, армада ушла,— я, понятно, не помню и вспомнить вряд ли смогу. Да и не во времени дело.

После боя мы жадно курили и молчали. О том, что каждый из нас пережил, не хотелось говорить тогда.

...Неверов сидел в кресле и старательно, неспеша разглядывал бутылку. Он полюбовался фирменным красавцем туром, изображенным на этикетке, с любопытством прочел о том, что коньяк изготовлен из спиртов не ниже тринадцатилетней давности. Улыбнулся.

— Это, по-моему, пижонство — пить в наше время такой коньяк,— сказал он.

— Пижонство?— удивилась Татьяна.

Тогда он повернулся к ней и долго, слишком как-то уж долго на нее смотрел. В его взгляде был то ли нежный упрек, то ли печальная снисходительность.

Я порывался сказать, что коньяк в бутылке самый обыкновенный, но Татьяна взглядом удерживала меня.

— Признаться, я почти и не пью сейчас,— сказал Неверов.— Редко-редко.

— Здоровье бережешь?— спросила Татьяна.

— Здоровье тоже,— подтвердил он, и на его лице не обозначилось никакой обиды.— Но ради такой встречи...

Не утруждая себя раздумьями, я, как и он, выпил, и разговор после этого пошел очень ладно. Всех друзей — и здравствующих и тех, кто сложил голову,— всех мы вспомнили. Их было немало. И какие ребята были...

На крейсере за нашим столом в кают-компании сидел лейтенант Дмитрий Голубев, редкой души человек, к тому же еще весельчак. Даже во сне его не покидала улыбка. Его шутки летели с поста на пост, из кубрика в кубрик, а следом за ними, как свежесть после июльского дождя, надолго устанавливалась бодрость. Негласно мы получили распоряжение комиссара всячески оберегать лейтенанта. Мы сразу уяснили смысл комиссарского приказа. Да и как было не уяснить! В юности стычки случаются то и дело. Бывало, из-за пустяка такой сыр-бор разгорится, хоть пожар-

ную тревогу объявляй. Когда мы, к примеру, сели вчетвером за один стол и выяснилось, что среди нас два Димки — Голубев и Неверов, встал вопрос, кого как называть. Неверова я был склонен по-прежнему звать Фомой, как звали его в училище. Он же, придя на корабль, пожелал во что бы то ни стало восстановить свое имя — благо из училища на крейсере нас оказалось лишь двое. На помощь ему пришел новый наш сосед, Голубев. Лейтенант деловито оглядел Неверова и сказал, что по виду и по стати Неверов в большей степени Димка, чем он. Больше того, Неверов — Дмитрий — наподобие Дмитрия Донского или Дмитрия Пожарского, и разве лишь из-за молодости следует чуть-чуть повременить с таким громким именем.

— Меня же величайте Митькой,— сказал Голубев.— В деревне меня только так и звали.

Митькой на корабле его никто не звал, звали Дмитрием или Митей. Голубеву шло и то и другое. Доброму человеку пошло бы любое имя — не зря же говорят, что не имя красит человека.

Митя Голубев и погиб через свое золотое сердце. Погиб на чужой земле, когда в дверь к нам уже стучалась победа. Он шел с двумя матросами по набережной чужого города, только что занятого нашими войсками, и разглядел в мутных балтийских волнах недалеко от берега тонувшего человека. Он тут же бросился в море (раздумывать было некогда) и спорыми саженками поплыл на помощь. Пуля настигла его в минуту, когда он вытолкнул на берег перепуганного немецкого мальчугана. Митя упал в воду и больше не встал. Ни один дикарь не поднял бы руку на человека, спасшего жизнь ребенка. Но тут стрелял фашист...

Митя, Митя, знал бы ты, как нам не хватает тебя!

— Золото был, а не парень,— сказал Неверов.— Человечище. Крупным адмиралом мог бы стать.

Потом мы вспомнили блокаду, не могли не вспомнить. Тяжко жилось тогда, а вспоминалось без труда, охотно. На память приходили бомбежки, артобстрелы, страх и радость победы над страхом. Это были мгновения, минуты, иногда часы. И все же это были эпизоды. Одно лихо длилось целую зиму — голод.

Можно осилить любое свое мучение, любую перенести боль. Но я не знаю, как выдержать страдания детишек, как можно изо дня в день встречать их немые взгляды, полные мольбы и ожидания. До сих пор не могу забыть тогдашние не по-детски суровые, гаснущие день ото дня ребячьи глаза — живой укор нашей мужской беспомощности.

В сравнении с цивильным людом мы жили сносно: на корабле было тепло, была вода, табак, и хлеба выдавали по триста граммов на день. Правда, хлеб этот хлебом лишь назывался. Муки в него клали ровно столько, сколько требовалось, чтобы тяжелой фиолетово-зеленой массе древесной коры и гнилой картошки придать форму каравая. Но и такой хлеб был великой радостью.

Однажды в зимние полусумерки, сидя на командирской учебе, мы усердно делали вид, что поглощены занятиями, а мысли наши оставались в райкоме комсомола, где мы пробыли целое утро и вернулись на корабль лишь к началу учебы. Перед нами неотвязно стояли два изможденных малыша лет четырех-пяти, которых привела в райком девушка-воспитательница. Детсад собирались эвакуировать, как только спадут морозы, но ребятишки нуждались в поддержке, иначе эвакуация могла и не потребоваться.

Едва в занятиях выдалась пауза, лейтенант Голубев попросил разрешения сказать несколько слов. Детям надо было помочь во что бы то ни стало, и выход он видел единственный: передать им часть нашего пайка. Он так сказал: двухсот граммов хлеба ему хватит, чтобы поддерживать в себе силы, необходимые для исполнения боевых обязанностей. С ним первым согласился лейтенант Неверов, хотя в райкоме он с нами не был и ребячьи мощи не видел. Я тоже, помнится, высказался за самую быструю нашу подмогу детям. Потом и остальные командиры свою готовность присоединили к нашей. На другой день ребятишкам в детсаде стало полегче, а нам, как и следовало ожидать, заметно потуже. Но беспо-

коило нас не столько само чувство голода, сколь болезненным и противным оно ни было. Корабль, как известно, должен быть изготовлен к бою за две минуты. Успеем ли, когда по пути на мостик, на боевой свой пост приходится теперь делать два-три передыха?

Нам подавали на стол четыре ломтика хлеба — по одному на нос. Иногда вестовой ошибался и разрезал наш хлеб на пять, а то и на шесть ломтиков — сказывалась довоенная привычка резать потоньше, поизящней. Лучше бы, конечно, он этого не делал. К прорве жгучих проблем его оплошность прибавляла еще одну: кому брать лишний ломтик? Сытому человеку этой проблемы не понять. Но мы-то знали, чем может обернуться крошечный ломтик, допусти любой из нас хоть малейшую несправедливость. Мы обязательно ее допустили бы, если б хоть раз позволили себе прикоснуться к этому злосчастному ломтику. Мы никогда об этом не говорили, но всякий раз по молчаливому согласию оставляли его нетронутым, хотя любой из нас готов был проглотить не одну дюжину таких ломтиков. Сейчас, четверть века спустя, приятно вспомнить об этом: все-таки мы были молодцы.

Неверов слушал молча. Изредка он кивал и нетерпеливо постукивал пальцами по столу, как бы торопя меня. Что ж, эпопея не из легких, можно понять. Я до сих пор не могу без гнева смотреть на шалопаев, коим ничего не стоит выбросить не ломтик — каравай хлеба.

— Да-а,— медленно выдохнул Неверов.— Эпопея.— Он скосил глаза на кухню, где стучала тарелками Татьяна.— Есть что вспомнить. Чести офицерской не уронили. Но со мной тогда случился казус... Сам не ожидал, да вот случилось.

И Неверов рассказал, как однажды, продрогший на вахте, он пришел в кают-компанию, сел за стол — нас еще не было, где-то мы задержались — и не заметил, как проглотил этот злосчастный ломтик. Потом пришли мы. Всем подали похлебку. С похлебкой, глядя на нас, он отправил в рот еще ломтик. Когда съел — спохватился.

— Надо бы тогда же и сказать, а я... Не будь тебя, может, и сказал бы. Да пуще огня насмешек твоих боялся. В училище — куда ни шло, а тут — офицер. Не видел большего позора для офицера, чем насмешки над ним. Казус, а четверть века из головы не выходит.

Глубокие морщинки прорезали обветренный лоб Неверова.

— Год назад в адмиралы произвели. Не скрою: рад был радешенек. На сто персон банкет закатил. Все шло хорошо, хорошие слова говорились. Потянулся за хлебом — маленькие ломтики были, как на крейсере, и вдруг вспомнилось...— Взгляд Неверова дрогнул недоброй усмешкой: — Думаешь, если б не эта напасть, так легко уступил бы тебе Татьяну?

...На дворе разыгрывался ветер. Он потрогал верхушки деревьев за прудом и с разбега кинулся в воду. С балкона было слышно, как поднятые им волны шлепались о гладкий бетонный берег.

— Мне пора,— сказал, вставая, Неверов.— Едва успею добраться до аэропорта.

Я вышел проводить его. Прощаясь, он пожалел, что встреча не произошла лет двадцать назад.

Я вернулся домой. Татьяна встретила меня улыбкой:

— Выходит, и нашу с тобой судьбу определил ломтик хлеба? А я полагала по наивности, что мы сами распорядились ею...

— Это все так,— сказал я.— Но память-то какая? Память... Это он грех с души снять хотел, поэтому и заехал...

— Из-за ломтика хлеба?

— Из-за характера своего.

Зазвонил телефон. Я снял трубку и услышал голос Неверова. Он спросил, не хотел ли бы я вернуться на флот, и предложил свою помощь, если такое желание у меня появится. Затем сказал, что с коньяком меня, пожалуй, надули: этикетку наклеили видную, а коньяк вроде бы самый обыкновенный. Пришлось со стыдом ответить, что то же самое почувствовал и я.

Путь Неверову предстоял дальний, и я от души пожелал ему столько раз счастливо приземлиться, сколько раз он взлетит.

ФРГ

Парусник XX века

Не поспешили ли мы списать в архив романтические парусники? Может, кроме романтики, есть в них и практическая целесообразность? Над этими вопросами размышляют инженеры, ученые и экономисты в разных странах земного шара. Использовать энергию ветра на уровне современной техники — идея заманчивая. Конечно, парусный корабль будет уступать в скорости современным лайнерам, но зато он бесшумен, не требует огромного количества нефти и не загрязняет океан.

Проектов современного парусника очень много, и одна из главных проблем — модернизировать паруса, ведь они занимают так много места.

Интересный проект грузового парусного судна разработан инженером из Гамбурга Вильгельмом Прельсом. На палубе перпендикулярно к мачтам крепятся балки, на которых, подобно занавесу, натягиваются паруса. Мачта при помощи простого гидравлического механизма поворачивается в нужном направлении.

Конструкция парусов, напоминающих вертикально поставленные крылья самолета, по расчетам, проведенным на вычислительной машине, является совершенной с аэродинамической точки зрения. Использование энергии ветра по сравнению со старыми парусами здесь повышается на 60 процентов. Кроме того, отсутствие громоздкого такелажа освобождает место для грузов на палубе. В безветренную погоду можно будет использовать небольшой вспомогательный двигатель.

МЕКСИКА

Тайна древних инженеров

Следы неизвестной цивилизации обнаружены недалеко от побережья Мексиканского залива, в районе древнего города майя Эцна. Археологи раскопали мощную систему каналов, построенных более чем за 2 000 лет до нашей эры. Специалисты утверждают, что ничего похожего до сих пор в Новом Свете найдено не было.

Археологи провели аэрофотосъемку и составили подробную карту уникальной водной системы, состоящей из 30 каналов и 25 огромных искусственных водоемов. Самая большая водная артерия оказалась 12 километров длиной и до 50 метров шириной. Почти все каналы расходятся радиусами от пирамиды Чинно Писос. Сама пирамида является достопримечательностью Мексики, и до недавнего времени никто не подозревал, что она расположена в центре скрытого джунглями главного города одной из самых ранних цивилизаций Центральной Америки.

При раскопках обнаружена дамба, ведущая от пирамиды к высокой насыпи, на которой когда-то была построена крепость. Вокруг укрепления идет глубокий и широкий ров. В конце дамбы откопаны ворота с башнями по углам.

Археологи считают, что дамба являлась главной магистралью, соединявшей город с крепостью. Сначала крепость была построена для военных целей, но позже ров был включен в общую ирригационную систему: дождевая вода просачивалась из джунглей в большой канал, оттуда в крепостной ров, а затем собиралась в близлежащие водоемы.

«Древние строители были искуснейшими инженерами, — говорит руководитель экспедиции профессор Матени, — они создали совершенную гидравлическую систему, с поразительной точностью рассчитали уклон каналов, чтобы дождевая вода отовсюду стекала в резервуары. Постройки такого рода свидетельствуют и о высоком уровне агротехники, которого не достигли еще и современные майя.

Словом, — заключает Матени,— находку в районе Эцна можно рассматривать как новую главу в истории цивилизаций Мезоамерики».

БОЛГАРИЯ

Пластмасса и... зайцы

Существующие методы защиты садов от мышей, зайцев и прочих любителей обгрызать кору плодовых деревьев достаточно трудоемки и отнимают много времени. Простой и надежный способ защиты яблонь, груш, слив предложила группа болгарских рационализаторов с димитровградского завода «Химик». Это специальные пластмассовые чехлы, укрепить которые на дереве можно за 5—10 секунд. Чехлы могут быть использованы многократно: пластмасса, из которой они изготовлены, не разрушается даже при температуре минус 80 градусов.

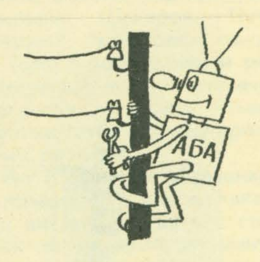
ПОЛЬША

«АБА» заменит монтеров

Невозможно представить себе современную жизнь без телефонной связи. Однако всем известно, как часто выходят из строя кабельные линии и телефонные аппараты и сколько времени приходится тратить на то, чтобы монтеры обнаружили и устранили повреждение.

Специалисты Института связи в Варшаве решили автоматизировать проверку надежности телефонных линий и аппаратов. Установка «АБА» за несколько секунд выполняет работу двух монтеров, на которую они затратили бы больше 20 минут.

С помощью «АБА» можно автоматически проверить качество и надежность всей телефонной сети, предварительно запрограммировав характер и очередность устранения повреждений.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Внимание: опасность!

Дозиметр — прибор размером со спичечную коробку — незаменимый помощник горняков. Он не только сигнализирует о наличии в атмосфере каменноугольного газа, но и определяет его количество. Если концентрация газа превышает допустимую норму, он дает звуковой сигнал. Дозиметр может быть использован всюду, где есть опасность загрязнения воздуха окисью углерода: в металлургической и химической промышленности, в гаражах и котельных.

США

Как согревается Нептун

Гигантская планета Нептун (диаметр ее 49 500 километров) так далеко расположена от Солнца, что тепло нашего светила до нее почти не доходит. Но, несмотря на адский холод, царящий на ее поверхности (минус 200 градусов), внутри эта планета теплая. Значит, Нептун как-то обогревает себя сам. Но как?

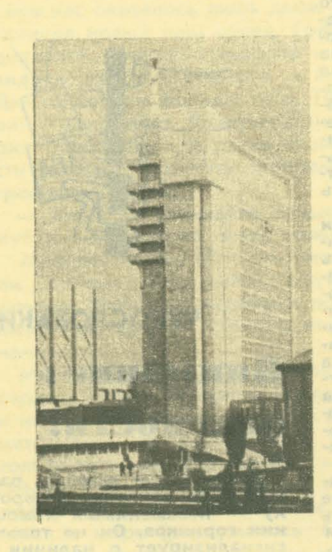
Американский астроном Лоуренс Трафтен после тщательного изучения пришел к выводу, что энергия, разогревающая Нептун изнутри, создается приливным трением, а виновником этого является его спутник — Тритон. Его диаметр 4 000 километров.

Вот этот огромный спутник, тормозя вращение планеты, и создает такое сильное приливное трение, что высвобождающаяся при этом энергия способна разогреть Нептун. Однако на поверхности планеты холодно потому, что количества тепла, излучаемого ее недрами, недостаточно. Вот и получается, что Нептун теплый внутри, но очень холодный снаружи.

Калейдоскоп подготовили
О. ПЕРФИЛОВА
и Г. МЕСНЯНКИНА.

«Огоньку» сообщают

ДОМ ДЛЯ ГАЗЕТ

Архитектурный ансамбль центральной части Ташкента украсился еще одним высотным зданием: это одетый в мрамор шестнадцатиэтажный Дом печати. Он оборудован кондиционерами воздуха, скоростными лифтами, а в нынешнем году вступит в строй также пневмопочта, которая свяжет редакционные кабинеты с телетайпными, наборными и печатными цехами.

В новом здании разместились редакции республиканских газет и журналов, корреспондентские пункты «Правды», «Известий», «Сельской жизни».

— Поднявшийся в поднебесье редакционный корпус — своеобразный показатель гигантского роста полиграфических возможностей республики,— сказал директор Издательства ЦК Компартии Узбекистана Ислам Шамурадович Шагулямов.— В наших цехах теперь печатается около восьмидесяти газет и журналов на русском, узбекском, таджикском, татарском языках. Среди них — «Правда», «Известия», «Труд», «Комсомольская правда» и другие центральные газеты. В общем, с вечера, когда редакции завершают работу, до утра, к открытию киосков «Союзпечати», в свет выходит пять миллионов 200 тысяч экземпляров газет! Здесь печатаются и такие журналы, как «Работница», «Крестьянка», «Здоровье»...

П. ТУТИН,
К. ВЯЧЕСЛАВОВ

Фото П. Тутина

1

НЕСКОЛЬКО ВАШИХ МИ ЧИТАТЕ

Рамиль ХАКИМОВ,
фото
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

НУТ, ЛЬ...

■

Минуточку!

Перед тем, как приступить к чтению, заметьте, пожалуйста, время.

Ну, а теперь к делу.

Недалеко от Уфы летом семьдесят первого года началось строительство Юматовского комплекса по откорму крупного рогатого скота. За два с половиной года тринадцать гектаров слегка всхолмленной башкирской степи были уставлены ладными строениями белого кирпича.

Гидом моим был директор совхоза Иван Дмитриевич Горлач, один из тех коммунистов, которые девятнадцать лет назад по призыву партии перешли на сельскохозяйственное производство. Вскоре он стал известным колхозным вожаком, работал в Дюртюлинском районе. Я часто бываю там, недавно подробно знакомился с комплексом в колхозе имени Карла Маркса. Если тот комплекс меня поразил, то этот ошеломил.

Прямо за проходной — просторная, асфальтированная площадка для хранения сена и сенажа. Время от времени за ними подкатывают два трактора, которые обслуживают весь комплекс.

Справа от проходной вытянулись помещения первого периода кормления. Это три длинных строения, каждое рассчитано на 1 080 голов скота. Должен сказать, что последнее слово мне, кажется, так и не пришлось услышать на комплексе. Совершенно исключено из обихода слово «скотник». На комплексе работают о п е р а т о р ы.

В отделение первого периода кормления доставляются телята десяти — двадцати дней от роду, весом в сорок — сорок пять килограммов. Мохнатенькие, тщедушные. 125 дней ухода, в котором предусмотрено все — рационы, ветеринарный надзор, микроклимат,— и окрепшие бычки уступают место новичкам, а сами переводятся на фермы второго периода кормления. Таких одиннадцать — на семьсот голов каждая. Здесь бычкам предстоят еще 270 дней кормления и ухода.

Тысячи животных, а и намека нет на тот особый запах, без которого животноводческих помещений — хлев же! — вроде бы и не бывает. В какой бы уголок я ни завернул, везде безукоризненная чистота. И вот еще что: всюду очень тихо. Огромные быки, холеные и лоснящиеся, редко когда подают голос.

— А чего им шуметь? — рассмеялась Лира Шайхуллина, оператор.— Сыты, ухожены.

— Я смотрю, что-то на корм ваши подопечные не набрасываются...

— Да ведь они же каждый день едят от пуза, вдоволь... И при этом вместо двенадцати кормовых единиц они вполне удовлетворяются шестью.

Нашей собеседнице Лире Шайхуллиной всего 22 года. Немного постарше бригадир сантехников Назиф Газизов. Вообще работники комплекса молодые, средний возраст — 24 года.

— Техническое обслуживание здесь на уровне,— с удовлетворением отмечает Назиф.— Поэтому нас тут всего сорок пять человек.

Но самое интересное было впереди. Иван Дмитриевич подвел меня к кирпичной башне, и мы прошли в помещение, где был установлен щит управления всем процессом кормления.

— Подача корма полностью автоматизирована,— сказал Иван Дмитриевич.— Электронная счетная машина каждую неделю заготавливает новую программу. В соответствии с ней механизмы готовят нужные рационы, переправляют их по трубам и конвейерам к бычкам. На центнер продукции затрачиваем всего 3,9 человеко-часа, то есть в одиннадцать раз меньше обычного. Вес сдаваемых бычков — 450 килограммов, 93 процента — выше средней упитанности. На подготовку животных такого веса обычные фермы затрачивают два с половиной года, а мы — тринадцать месяцев.

Комплекс оставляет впечатление хорошо оснащенных заводских цехов. Тихо жужжат механизмы, во все стороны уходят различных диаметров трубы, мерцают красными огоньками щиты управления.

Все вокруг подчинено самым высоким требованиям. Это видно не только на комплексе, но и в поселке, что вырос рядом с ним. Разумная планировка, красивые дома с удобными квартирами, школа, клуб, столовая, магазины — все радует глаз.

Некоторые люди называют Юматовский комплекс завтрашним днем села. Но ведь комплекс-то существует уже сегодня. И он оказывает благотворное влияние на животноводство Башкирии в целом. Комплексы самого разного назначения и мощности уже поднялись во многих уголках республики и строятся повсеместно.

— Партийная организация республики с полной отдачей сил участвует в гигантской работе нашей партии по улучшению состояния животноводства,— сказал в беседе со мной первый секретарь Башкирского обкома партии Мидхат Закирович Шакиров.— Путь найден верный. Это хорошо понимают не только колхозники и рабочие совхозов, но и горожане, строители наших сельских объектов. Комплекс стал ориентиром, на который равняются.

Какие бы грозы ни обрушивались на крыши комплекса, какой бы мороз ни лютовал за его стенами, а он планомерно, из минуты в минуту наращивает новые тонны высококачественного мяса. Каждое из 10 500 животных в среднем утяжеляется более чем на килограмм в сутки. Иными словами, ежедневно «возникает» двадцать шесть четырехсоткилограммовых лоснящихся от сытости крутолобых бычков. Целое стадо!

А теперь, дорогой читатель, можно еще раз взглянуть на часы и подсчитать, сколько мяса появилось за то время, что вы потратили на чтение этой заметки.

За 60 секунд на комплексе производится восемь килограммов мяса.

Конечно, эти килограммы появились бы на свет и в том случае, если бы вы не прочитали заметку. Но тогда вы не знали бы, что произошло за считанные минуты на комплексе, на одном только Юматовском комплексе в Башкирии.

Башкирская АССР.

1

Исключено из обихода слово «скотник», на комплексе работают операторы. На снимке — оператор Н. Шарикова.

2

В какой уголок отделения ни заглянешь — всюду чистота.

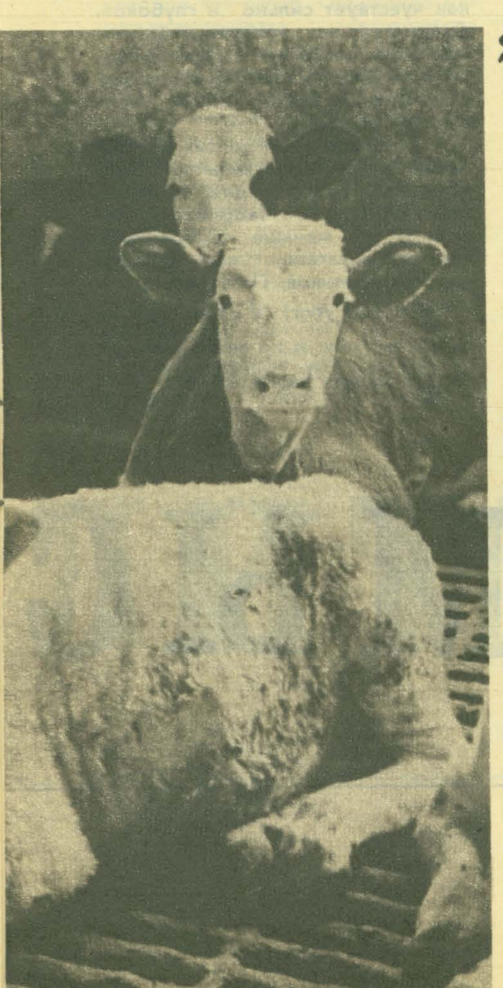
3

Директор совхоза И. Д. Горлач с одним из работников комплекса, Ф. Г. Галимовым.

4

Поселок Николаевка — красивые дома, школа, клуб, столовая.

2

3

4

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е. А. БАРАТЫНСКОГО

Н. СКАТОВ,
доктор филологических наук

ПОЭТ-МЫС

Чье сердце не замрет печально при звуках мелодии, от которой М. И. Глинка повел счет своим «удачным романсам»!

И от слов давней элегии:

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!

Печаль этих строк — не пушкинская светлая печаль. Не уверенья, а «Разуверение» — так назвал Евгений Баратынский свою элегию, скоро ставшую знаменитой. Она как бы вобрала в себя настроения многих его стихов, стала своеобразным, как сказал один критик еще в девятнадцатом веке, «конспектом его элегической поэзии». Сам Пушкин готов был признать первенство Баратынского здесь: «Первые произведения Баратынского были элегии и в этом роде он первенствует». «Певец Пиров и грусти томной» — под этим именем Баратынский вошел и в пушкинский стихотворный роман. Действительно, Баратынский начал с элегий, но его стихи совсем не стали еще одной вариацией сентиментальных «элегических ку-ку», уже тогда вызывавших насмешки. Поэт заявил себя в этом роде грустных поэтических произведений как один из самых глубоких выразителей настроений скорби и разочарования, которые так утвердятся в русской поэзии после декабря 1825 года, но которые Баратынский как бы предугадывал и предчувствовал много раньше. В сути своей лирический герой Баратынского — первый по-настоящему разочарованный герой русской литературы.

Разочарованность, которую несла эта поэзия, не содержала нот собственно общественного протеста, но в «фасадной» империи осознанная безысходная тоска уже сама по себе становилась вольно или невольно знаком глубокого недовольства и жизнью общества тоже. И не только поэзия. Баратынский не был декабристом, но был близок многим из тех, кого после 1825 года назвали декабристами, и крах декабрьского восстания, тяжело им пережитый, усилил и, так сказать, подтвердил его поэтическую скорбь. Ведь имена Баратынского и Пушкина сближали — такое сближение было обычным для современников — не только как имена поэтов, но и как людей сомнительной для власти благонадежности.

А при начале жизни будущего поэта, казалось бы, все предуготавливало для него карьеру чиновную и блестящую. Рождение — Баратынский родился 19 февраля (по старому стилю) 1800 года — в семье очень видного в свое время вельможи, генерал-лейтенанта Абрама Андреевича Баратынского. Прекрасное домашнее образование в условиях богатой помещичьей усадьбы в селе Мара Тамбовской губернии, пожалованном отцу поэта Павлом I. В 1813 году Евгения Баратынского отдают в привилегированнейший Пажеский корпус. Через три года юношеская компания, состоявшая из нескольких кадетов и названная ими в духе авантюрных разбойничьих романов «Обществом мстителей», совершает дерзкое озорство. Баратынский взял на себя главную вину. Наказанием было исключение из корпуса и царское — дело дошло до Александра I — распоряжение не принимать исключенных ни на какую государственную службу, кроме армии, и то в качестве рядовых. Через два года юноша, к тому времени стихами уже обративший на себя внимание общества, поступает в лейб-гвардии Егерский полк рядовым. Конечно, солдатчина Евгения Баратынского не была солдатчиной Тараса Шевченко или Александра Полежаева. Сила связей, богатства, происхождения давала немало преимуществ. И тем не менее, когда Герцен в книге «О развитии революционных идей в России» привел мрачный мартиролог писателей, павших жертвами царизма, где были и Рылеев, и Пушкин, и Лермонтов, для Баратынского в нем тоже нашлось место: «Баратынский умер после двенадцатилетней (в сроках Герцен ошибся.— **Н. С.**) ссылки». Действительно, Александр I преследовал молодого поэта-солдата с каким-то упорным ожесточением и последовательно, год за годом отвергал все представления и ходатайства — в числе ходатаев были и Жуковский, и Вяземский, и Денис Давыдов... А сам Баратынский, первоначально воспринявший приговор как тяжкий, но справедливый, все более и более склонен был видеть в нем не только общественную несправедливость, но роковое предначертание судьбы. Несколько лет службы в Финляндии окончательно укрепили за ним звание опального, «ссыльного поэта». В то же время ссылка принесла Баратынскому еще одну поэтическую тему. Как Таврида у Пушкина, Кавказ у Лермонтова, вошла в творчество Баратынского Финляндия: ее суровая, угрюмая природа хорошо отвечала его романтическим устремлениям.

В 1825 году по получении первого офицерского чина Баратынский сразу вышел в отставку. Последовавшая вскоре женитьба на богатой невесте А. Л. Энгельгардт, дочери известного генерала, героя 1812 года, очень упрочила его материальное положение и принесла семейную жизнь счастливую, размеренную. По-видимому, покой и внешняя устроенность жизни, сопровождавшиеся к тому же все большей удаленностью от литературно-общественных дел, тем более помогли поэту сосредоточиться на уяснении внутреннего мира человека и на осмыслении тех общих путей, какими пошло человечество.

Баратынский писал и поэмы: «Эда», «Бал»,— вышедший, кстати сказать, в 1828 году под одной обложкой с пушкинским «Графом Нулиным»,— «Цыганка», но в истории нашей литературы Баратынский прежде всего один из самых выдающихся лириков со своим поэтическим «лица необщим выраженьем», создатель поэтических размышлений философского склада, поэт-мыслитель. «Он у нас оригинален,— писал Пушкин,— ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко». Двадцатый век, привлекший пристальное внимание к Баратынскому и на Западе тоже, доказал, что Баратынский действительно оригинален «везде».

А на протяжении долгих десятилетий он считался забытым. Уже при жизни поэта позднее и наиболее глубокое его творчество находило все меньше доброжелательных читателей, все больше строгих критиков. Поэт писал:

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок

В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.

Эти стихи выглядели бы только уверенно-оптимистическими, если не иметь в виду другую сторону: не окажется ли «потомок» сам перед многими из противоречий, так мужественно поэтом обнаженных, не потому ли он и услышит негромкий «голос» поэта? Во всяком случае, именно начало двадцатого века воззвало к поэзии Баратынского.

Что же за мысль владела поэтом-мыслителем, «Гамлетом-Баратынским», по слову Пушкина? Горькая мысль о том, что человечество идет по катастрофическому пути распада и умирания. Особенно явственно выразилось это в последнем прижизненном, 1842 года, сборнике под характерным названием «Сумерки». История многое здесь объясняет. Поэт ощущал себя «звездой разрозненной плеяды», одним из последних представителей пушкинской эпохи, самой и даже единственно культурной эпохи в России прошлого века, как полагал Александр Блок. Наступающий буржуазный век, «железный», «промышленный», не без основания рисовался Баратынскому как бесчеловечный, противоестественный, враждебный искусству, чуждый поэзии:

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.

Менее всего можно смотреть на Баратынского как на врага разума и просвещения, но он драматически ощущал дисгармонию человека и общества, противоречие между разумом и чувством в самом человеке, противоречие между человеком и природой, от которой тот отпал. Ощущение Баратынского-поэта, оказавшегося как бы вне времени, реализовалось как позиция человека, стоящего над временем, и там, где другие видели обнадеживающие начала, поэт часто предрекал безнадежный конец. Своим наблюдениям и сомнениям он придавал характер обобщенный и универсализированный.

Часто пишут об аналитичности Баратынского. Однако сам процесс анализа у него обычно скрыт, и поэт дает нам уже конечные выводы, подводящие итоги, синтезирующие обобщения. Отсюда такая особенность Баратынского, как афористичность, предельно насыщенные поэтические формулы. И весь стиль зрелого Баратынского все более архаизируется: это от стремления сказать первоначальным, главным и окончательным праслóвом, вынести последние приговоры.

И все же слово о Баратынском, авторе таких стихотворений, как «Безнадежность», «Недоносок», «Смерть», следует закончить совсем не указанием на содержащиеся в них идеи одиночества человека и бессмысленности жизни. Дело не в юбилейном характере нашей статьи: не ими закончились сами творчество и жизнь Евгения Баратынского. В 1843 году поэт с семьей выехал в Европу: Германия, Италия, Франция. Он был вхож в литературные и политические салоны Парижа, встречался с выдающимися представителями духовной жизни Запада. А самым значительным, что осталось от европейских впечатлений, оказались встречи с русской эмиграцией — поколением для него уже новым. «Он,— свидетельствует близкий Огареву Н. Сатин, — имел много планов и умер, завещав нам привести их в исполнение». Сам поэт писал другу из Парижа в преддверии нового 1844 года: «Поздравляю вас с будущим, ибо у нас его больше, чем где-либо; поздравляю вас с нашими степями, ибо это простор, который ничем не заменят здешние науки; поздравляю вас с нашей зимой, ибо она бодра и блистательна и красноречием мороза зовет нас к движению лучше здешних ораторов; поздравляю вас с тем, что мы в самом деле моложе 12-ю днями других народов и посему переживем их, может быть, 12-ю столетьями». И словами надежды звучали многие из последних стихов поэта. Чего стоило уже одно только название стихотворения, написанного в море при переезде в Италию,— «Пироскаф» (пароход.— **итал.**):

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!

Конечно, все это само по себе не решение «мятежных» вопросов, трагических загадок бытия, что мучили поэта. Это меньше. Но это и больше как явление могучего духа, того духа, который он так пытал, в котором он мог усомниться и который в нем же самом так властно заявил себя силой человеческого преодоления, силой любви и веры.

Ленинград

ЛИТЕЛЬ

театр

НА СЦЕНЕ ЧИЧИКОВ И ДРУГИЕ

В роли Собакевича — народный артист СССР Ю. Толубеев.

Первым в России познакомил петербургскую публику с бессмертными образами гоголевских творений Александринский — ныне Академический имени Пушкина театр. Здесь 138 лет назад была поставлена комедия Гоголя «Ревизор», а шестью годами позднее пошла инсценировка гениальной поэмы «Мертвые души». И вот теперь персонажи «Мертвых душ» вновь ожили на сцене старейшего русского театра. Как и в те далекие времена, в спектакле участвуют главные силы труппы — народные артисты СССР: И. Горбачев, Ю. Толубеев, А. Борисов, В. Меркурьев; народные артисты РСФСР — Л. Штыкан, И. Дмитриев, К. Адашевский, О. Лебзак... Короче говоря, в новой постановке заняты ведущие мастера театра, им поручены даже небольшие роли. Интересно оформил спектакль художник М. Китаев.

Фото. Е. ШМАРОВА

Сцена из спектакля «Похождения Чичикова». Лизанька Манилова — народная артистка РСФСР Н. Мамаева, Манилов — народный артист СССР В. Меркурьев.

Павел Иванович Чичиков — народный артист СССР И. Горбачев.

КАКАЯ ОНА СЕГОДНЯ, СИБИРЬ?

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Говорят, что у каждого города свой норов. Добавим к этому: и своя гордость. Один гордится памятниками, другой — садами, третий — заводами. А вот Томск, один из старейших городов Сибири,— своими вузами. Первый из них, университет, заложили в 1880 году. Тогда это был единственный университет в азиатской части России. Через двадцать лет распахнул двери технологический (ныне политехнический) институт.

СЕРДЦЕМ ЯРЫ!

О том, каков Томск сегодня — город вузов, научно-исследовательских институтов, современных предприятий, мы попросили рассказать секретаря Томского обкома КПСС П. Я. СЛЕЗКО.

— После установления Советской власти развитие науки и высшей школы получило в Сибири огромный размах. На базе университета и политехнического института в Томске было создано четыре вуза и более десятка учебных заведений в Новосибирске, Омске, Иркутске и других городах. Этим-то мы больше всего и гордимся: наш родной город — альма-матер всего высшего образования Сибири! «За Томском числится незабываемый подвиг, подвиг внедрения науки и техники в необъятные области Урала и Сибири»,— писал президент Академии наук СССР С. И. Вавилов.

Сейчас в Томске шесть вузов и девятнадцать техникумов, в которых учится свыше шестидесяти тысяч юношей и девушек. Кроме того, создано пятнадцать научно-исследовательских институтов. Само собой разумеется, что только благодаря мощной научной базе в городе мог появиться завод математических машин, а также предприятия электротехнической промышленности.

Продукция, выпускаемая томичами, экспортируется более чем в пятьдесят стран мира. Большие надежды мы возлагаем на разведчиков недр: в геологическом отношении наша область изучена пока довольно слабо. А земли богатые: только за последние годы открыты крупные месторождения нефти, газа, железной руды, огнеупорных глин, торфа и многое другое. По нашей территории проходит один из крупнейших нефтепроводов страны — Александровское — Анжеро-Судженск. Именно эту нефть, добытую на севере области, будет перерабатывать Томский нефтехимический комплекс, подготовка к строительству которого идет полным ходом. А «зеленый океан»! Какую только древесину не дают томские леспромхозы — сосновую, еловую, кедровую, и в каком количестве!

Идет завершающий год пятилетки. Томичи успешно справились с планами предыдущих лет, и коллективы многих предприятий взяли обязательства досрочно выполнить пятилетку. Уверен, что так оно и будет, ведь слово сибиряка крепко.

РОЩА ВЕКОВАЯ

Ранней весной 1880 года обоз из десятка подвод миновал казанскую заставу, а в конце лета прибыл в Томск. Трудной, очень трудной была дорога, но профессор ботаники П. Н. Крылов сумел сохранить все листочки гербария, все диковинные корешки и семена. Той же осенью была заложена знаменитая университетская роща, занимающая пятнадцать гектаров.

— Для нас эта роща — святая святых,— говорит М. П. Кортусов, проректор Томского ордена Трудового Красного Знамени университета имени В. В. Куйбышева.— За все эти годы здесь не срубили ни одного деревца, более того, в роще собрана редчайшая коллекция деревьев и кустарников, которых нигде в Сибири больше не встретишь. Роща — это встречи и расставания, вручение студенческих билетов и дипломов, проводы на фронт и на стройки коммунизма, митинги, концерты и, наконец, большинство студенческих свадеб. А в самом заповедном уголке покоятся основатель рощи П. Н. Крылов и его последовательница Л. П. Сергиевская. Здесь же — памятник студентам и преподавателям, погибшим в войну.

До сих пор, рассказывая о годах войны, Михаил Петрович сетует:

— Представляете, мои друзья один за другим уходили на фронт, а я безуспешно обивал пороги военкоматов! На медицинских комиссиях демонстрировал бицепсы, доказывал, что хорошо стреляю, имею разряд по лыжам, а врачи свое: у вас же нога не сгибается... В сорок четвертом получил диплом — и скорее в горы, искать минералы, нужные оборонной промышленности. Стал профессором, доктором наук, воспитал немало геологов. Теперь в поле хожу редко: здоровье не то. Хотя недавно сдал нормы на золотой значок ГТО,— с гордостью закончил он.— А на лыжах обгоняю всех, кроме ректора. Он хоть и не коренной сибиряк, но стал отличным лыжником.

— Так уж и отличным,— улыбается А. П. Бычков.— Впрочем, похвалу ценю: если сибиряк признал, что кто-то ходит на лыжах лучше, чем он, большего комплимента быть не может. Однако в Томске я уже двадцатый год, было время кой-чему научиться.

— А как вы сюда попали? — поинтересовался я.

— Стихов начитался — вот и попал,— усмехнулся Александр Петрович.— Нет, я серьезно! Судите сами: жил в Ленинграде, имел хорошую работу, стал кандидатом экономических наук и вдруг, можно сказать, ни с того ни с сего уехал в Томск. Прочел как-то стихи о Сибири, сыгравшие немалую роль в этом решении... Конечно же, сначала было трудно, но я не жалел о своем переезде. Ведь работать в таком вузе, как Томский университет,— большое счастье. Здесь богатые традиции, своя научная школа, сформирован очень сильный преподавательский состав. Мы горды тем, что среди наших выпускников 80 академиков и членов-корреспондентов. Я уж не говорю о том, что в Сибири нет вуза, где бы не работали питомцы нашего университета. А студентов теперь, кстати, на четырнадцати факультетах около десяти тысяч... Огромную работу ведут три научно-исследовательских института и четыре проблемные лаборатории, входящие в состав университета. Наши ботаники предложили методы освоения земельных богатств поймы Оби; геологи открыли месторождения полезных ископаемых, которые осваивать не одному поколению; математики разработали принципиально новую систему пневмотранспорта...

А наша Народная хоровая капелла, Народный драмтеатр, общество спелеологов, клуб подводного плавания «Скат», библиотека, уникальный гербарий, оранжерея, музеи, в том числе имени нашего бывшего студента В. В. Куйбышева... Короче говоря, учиться и работать здесь интересно. И поэтому каждой осенью в нашей роще собираются первокурсники, приехавшие в Томск со всех концов страны.

●

Вот они, лучшие люди Бражненской земли, Герои Социалистического Труда. Слева направо: Н. Н. Качаев, М. С. Козлов, Д. И. Качаев, А. С. Матвеев, В. И. Коровин и В. М. Манылов.

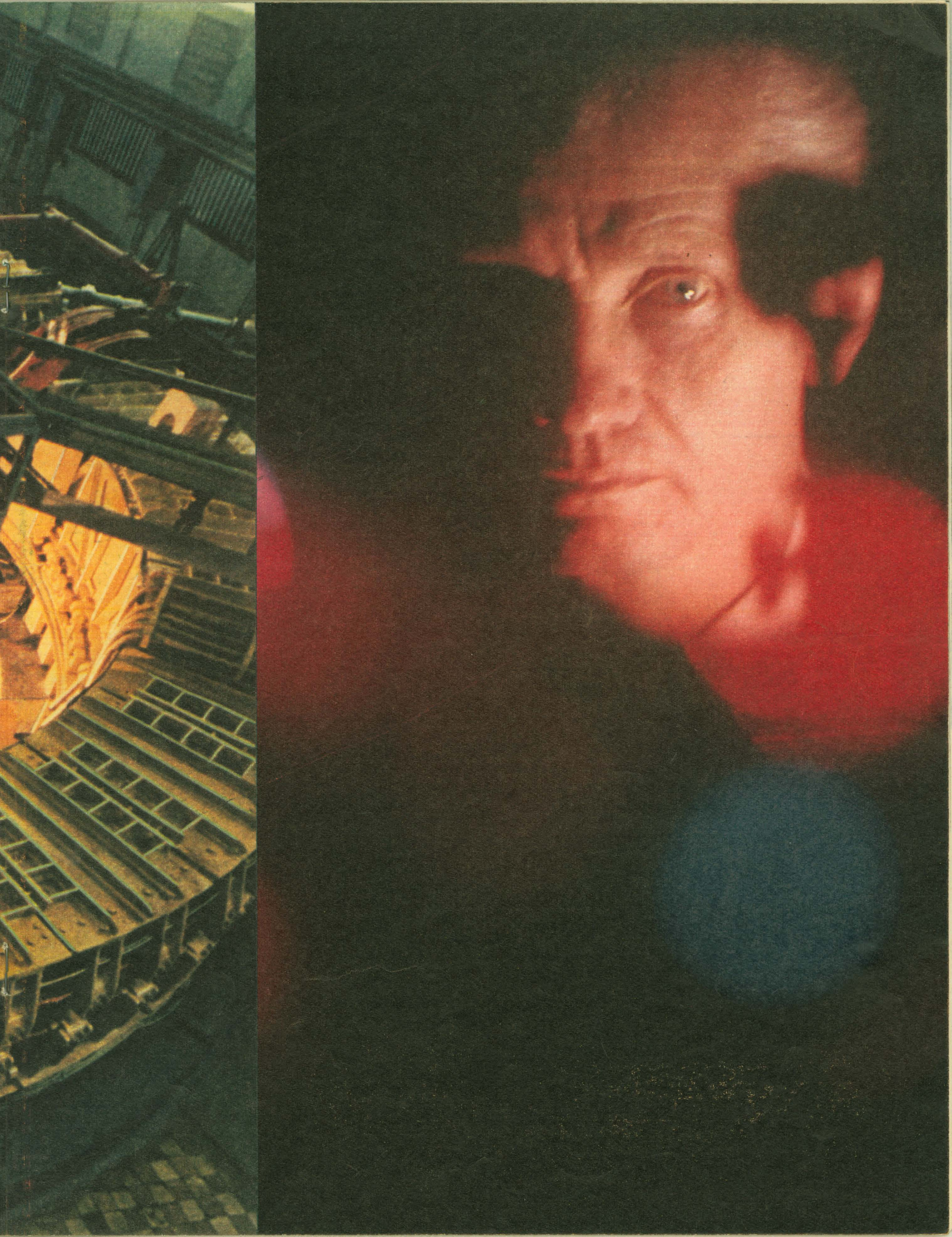
Так добывают уголь на Назаровском разрезе.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Идет эксперимент на ускорителе «Сириус», установленном в Томском политехническом институте.

Много лет работает в Томске член-корреспондент АН СССР, депутат Верховного Совета СССР В. Е. Зуев. Сейчас он директор Института оптики атмосферы.

ОПАСНО

В САНТИМЕТРЕ ОТ СЧАСТЬЯ

Все началось с пари, детского пари на килограмм конфет. В сорок седьмом году, когда Витальке Матвееву стукнуло одиннадцать лет, он твердо решил: «Стану летчиком». Целыми днями околачивался возле аэродрома: прильнет к заборчику, распахнет глазищи — и ни с места. Паренек он был невысокий, но крепкий и отчаянно храбрый. Даже взрослые боялись ходить через Чертов лог, а Виталька два раза в неделю бегал на лыжах из Колпашева в леспромхоз, где работал отец,— шестнадцать километров в один конец. А на пути Чертов лог: рыси там баловали, да и шатуны-медведи, случалось, вылезали на дорогу...

Однажды, когда мальчишка стоял у аэродромного заборчика, неслышно появилась Варька из четвертого «Б». Помолчала, поковыряла валенком снег и, как бы между прочим, сказала, что не знает ни одного мальчишки, который отважится прыгнуть с парашютом. Виталька сморщил обмороженный нос и заявил, что он бы прыгнул хоть сейчас и вообще обязательно пойдет в летчики. Варька хихикнула! Тогда-то Виталька и предложил неслыханное по тем временам пари на килограмм конфет (да каких — «Мишка на Севере»!), что через десять лет прокатит ехидную Варьку на самолете. Пари было принято...

Летчик должен хорошо знать математику — что ж, Виталька побеждает на районной олимпиаде; пилоту нужен отменный вестибулярный аппарат — и это по силам: мальчишка становится лучшим гимнастом города. Все шло по плану, но уж больно гладко. А так в жизни, тем более в жизни авиатора, не бывает. Незадолго до выпускных экзаменов Виталька сорвался с брусьев и сломал руку. Кости срослись, а вот пальцы — словно чужие.

Выходит, прощай мечта? Черта с два! Целыми днями мял каучуковый мячик, щипал струны гитары... Через три месяца пальцы начали сгибаться, но разгибались плохо. Тогда Виталька придумал новое упражнение: таскал ведра с водой и поливал огороды. Соседские старушки чуть ли не молились на парня: таких урожаев картошки здесь никогда не видели.

Руки делали свое дело, а голова — свое. Виталька понял, что медицинскую комиссию не перехитришь: колпашевские врачи о его беде знают. И он уехал в Сасово: знакомые пилоты подсказали, что в тамошнем училище гражданской авиации требования помягче. Когда проходил медосмотр, дрожали колени, но врач сказал: «Годен». Другой врач решил измерить его рост. Матвеев вытянулся в струнку — 156 сантиметров. А надо 157. Не хватало одного сантиметра! И тут Виталька не выдержал. «Дяденька! — закричал он.— Я подрасту! Честное комсомольское!» Врач смилостивился и прибавил злополучный сантиметр.

— И все равно я не находил себе места, пока не остригли наголо,— вспоминает В. М. Матвеев.— Четыре года в училище пролетели, как один день. Учился я отлично и потому при распределении получил право выбора: предлагали Подмосковье, Украину, Молдавию. А я свое: «Хочу на родину, в Сибирь!» Так и оказался в Колпашеве. Не отгулял даже отпуска, так хотелось летать. Первый самостоятельный вылет был 25 декабря 1956 года. Вез я тогда почту в Каргасок. У ПО-2 кабина открытая, а мороз под тридцать. Комбинезон, унты, перчатки — все из хорошего меха, так что руки-ноги в тепле. Как могли, защищали и лицо: надевали маску из шкурок крота. Даже Фантомас позавидовал бы!

Так и летал. А вскоре вызывает командир и предлагает стать... вертолетчиком. Тогда мы считали: для летчика большего оскорбления быть не может. Это все равно, что пересесть с птицы на каракатицу. Распыхтелся я: за кого, мол, меня принимаете, что я такого сделал, летаю не хуже других... А мне — полчаса на размышления! Ни за что бы не согласился, но друг закадычный подвел: он-то, как говорится, сломался сразу.

И снова я в родном Сасовском училище. Первый полет — на привязи: отрываешься сантиметров на десять и болтаешься между небом и землей. Не полет, а сплошное недоразумение: каракатица скачет, тарахтит, норовит запрокинуться. Но потом дело пошло. Освоил «Шило»— так мы называем МИ-1, пересел на «Конька-горбунка» — на МИ-2. Позже летал на МИ-4, МИ-6, МИ-8. Теперь меня от вертолета за уши не оттащишь — эта машина посложнее самолета, и летать на ней интереснее. Чего стоит хотя бы посадка на авторотации! Случись авария, самолет может спланировать. А вертолет? Вот и отрабатываем эту хитрую посадку. Выключаешь двигатель на высоте, скажем, пятьсот метров — и камнем вниз. Скорость падения — пятнадцать метров в секунду. Растеряешься — конец, сориентируешься — сядешь, как на парашюте. Секрет в том, что метрах в тридцати от земли нужно так развернуть лопасти, мы это называем — утяжелить винт, чтобы он резко захватил воздух. Есть тут, правда, один нюанс: сделать это надо с первого раза. Не сумеешь с первой попытки, второй не будет...

Нет, я не жалею, что расстался с самолетом: вертолетчик ближе к людям. Участвовал я, скажем, в строительстве нефтепровода Александровское — Анжеро-Судженск. И, откровенно говоря, горжусь: сотня километров труб, да моя; десяток тракторов, но иначе, как на вертолете, в тайгу их не забросишь. А сколько возил геологов, переправлял больных, сколько раз приходилось подниматься в пургу, летать «поперек» правил и инструкций! Но на то мы и вертолетчики!

— Что ж,— спросил я,— можно считать, все мечты сбылись?

— Не все,— улыбнулся Виталий Михайлович.— Я до сих пор не прокатил Варьку и не получил честно заработанный килограмм «Мишек на Севере».

Молодые рабочие совхоза «Заветы Ильича».

СИБИРСКИЙ ХАРАКТЕР

Не так уж далеко Красноярск от Томска, но климат здесь более суров: сильнее стужа, злее ветры. К тому же после пуска Красноярской ГЭС вода в Енисее не замерзает, и при морозе ниже пятнадцати градусов город укутан плотным туманом.

Первый секретарь Красноярского крайкома КПСС П. С. ФЕДИРКО говорит:

— Наш край во многом необычный. По территории он занимает третье место в стране после Якутии и Казахстана. Недра края таят сказочные сокровища. В Красноярске — сорок процентов общесоюзных запасов угля, много железной руды, а кроме того, никель, медь, кобальт, свинец, цинк, марганец, нефть, газ, алюминиевое сырье, различные строительные материалы.

В конце двадцатых годов в наших местах побывал А. В. Луначарский. Вот что он тогда писал: «А за Красноярском рисовалась передо мной и вся безграничная Сибирь, суровая, отнюдь не щедрая, но чрезвычайно богатая. Даром она ничего не дает, но за труд платит хорошо, и особенно за труд культурный. Как можно скорей и как можно больше надо дать этой стране — и просвещенные головы, и ловкие руки, и великую помощницу машину, поскорей дать ей эту связку культурных ключей, для того, чтобы раскрыть кладовые и подвалы этого огромного дворца северной природы». Сказано очень метко: даром наша земля ничего не дает. Но именно в борьбе с природой веками складывался настоящий сибирский характер. Недаром Василий Суриков сказал о своих земляках: «Красноярцы — сердцем яры!» Да, Сибирь есть Сибирь. Здесь нужно работать, вкладывая всю душу и... немножко еще. Тогда и земля наша, щедрая и богатая, заплатит за труд сполна.

Вот что сделали красноярцы только в этой пятилетке. В строй действующих введены Красноярская и Усть-Хантайская ГЭС, Ачинский глиноземный комбинат, Черногорский камвольно-суконный комбинат, завод резинотехнических изделий в Красноярске, завод низковольтной аппаратуры в Дивногорске, Комсомольский и Октябрьский рудники в Норильске и многое другое. Всего за последние четыре года сдано около трехсот крупных предприятий и производств. Сейчас полным ходом идут работы по сооружению Саяно-Шушенской ГЭС, Абаканского вагоностроительного и Минусинского электротехнического комплексов, Ачинского нефтеперерабатывающего завода, спутника КамАЗа — завода автоприцепов, нескольких рудников, лесозаготовительных и других предприятий.

Все это делается во исполнение Директив XXIV съезда КПСС, который, как известно, так определил главную задачу пятилетки: значительно поднять материальный и культурный уровень жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства.

А это значит, кроме всего прочего, что на карте края появляются новые города: Дивногорск, Сосновоборск, Белогорск — и меняют свой облик старые города: Канск, Ачинск, Минусинск да и сам Красноярск.

На берегах Енисея — величайшей и, по моему убеждению, прекраснейшей реки Сибири — живет около трех миллионов моих земляков, людей, глубоко преданных Коммунистической партии Советского Союза и делающих все возможное, а порой и невозможное, чтобы наш край стал еще краше, еще богаче.

КАЗАЧИНСКИЙ ПОРОГ

В семнадцать лет Иван Марусев впервые поднялся на палубу речного парохода. В двадцать четыре стал капитаном, в тридцать восемь — Героем Социалистического Труда. Это главные вехи на фарватере его жизни, а сколько было порогов да перекатов, ледовых зимовок да штормов, случалось, и на мель выбрасывало. Но не было такого, чтобы капитан Марусев сбросил груз, пытаясь пройти перекат налегке, чтобы «спустил флаг», покорившись свирепому норд-весту или жизненным неурядицам.

Встретились мы в Подтесове, столице енисейских речников. Капитан Марусев был в отпуске, и я отправился к нему домой. Свежевыбритый, по-флотскому щеголеватый, он встретил меня на пороге и заявил, что ему надо проведать своего «Ивана Назарова», а так как путь неблизкий, по дороге обо всем и потолкуем.

Шли мы долго. И когда выбрались на взлобок, замерли, споткнувшись о пустоту. Где-то внизу торосисто раскинулся Енисей, а дальше, насколько глаз хватал, лежало ровное-ровное поле. Но вот из зарослей кедрача выкарабкалось зябкое солнце, снега полыхнули розовым светом, и я понял, что никакое это не поле, а все тот же батюшка Енисей — могучий, широкий, буйный. И хоть грудь его скована панцирем, чувствовалось, какая огромная сила дремлет подо льдом.

— Ну и ну! — выдохнул я.

— Только есть люди, которым Енисей противопоказан,— заметил мой спутник.— Знал я немало отличных капитанов с той же Волги или с Днепра — через год-другой уезжали от нас. Чего стоит хотя бы испытание Казачинским порогом!

Мы спустились по узенькой тропке, попет-

ляли между пакгаузами и оказались в Подтесовском затоне, где зимует большинство судов Красноярского пароходства. Картина, прямо скажем, невеселая: ни заливистых гудков, ни плеска волн — ничего, кроме ровных шеренг речных красавцев, засыпанных снегом.

— А вот и мой «Иван Назаров»! — горделиво улыбнулся капитан Марусев.— Прошу на борт.

Поднялись на палубу мощного грузового теплохода, который, судя по вмятинам на бортах, побывал в нешуточных передрягах.

— Что было, то было,— вздохнул Иван Тимофеевич.— В прошлом году, например, при проводке каравана мы шли вместо ледокола. А видели бы вы днище! Енисей весь в порогах и перекатах, иной раз идешь, имея под килем сантиметров пять воды. Представляете, каков риск! И все же идешь, потому что не могут без нас ни Дудинка, ни Игарка, ни Норильск, ни другие города и поселки края. Только в прошлом году наши суда перевезли свыше шестнадцати миллионов тонн грузов... А сколько я таскал плотов, да каких, по двадцать пять тысяч кубометров! А когда изучил реку как свои пять пальцев, начал водить спаренные плоты. Бывало, что плот цеплялся за берег или у Прилукского переката чиркал по скале, но не терял ни бревнышка.

За разговором мы облазили палубу, осмотрели трюмы, машинное отделение, рубку — продрогли до костей. Зато с каким удовольствием пили в каюте капитана крепчайший чай, заваренный им! На стене — портрет худощавого человека в форме речника.

— Это Иван Назаров, в его честь судно названо,— сказал Иван Тимофеевич.— Он много лет был начальником Красноярского пароходства. Когда его не стало, экипаж попросил переименовать наш теплоход... Я сам многим обязан Ивану Михайловичу. Именно он не раз предупреждал: пока не научишься проходить Казачинский порог, не считай себя капитаном.

Иван Тимофеевич достал карту, аккуратно расстелил на столе и объяснил:

— Есть между Красноярском и Енисейском проклятое место. С правого берега наваливается подводная гряда. Судовой ход суживается до сотни метров. Вроде бы ничего страшного, прижимайся к левому берегу. На этом многие и попадаются: здесь ощерили зубы два дракона — Модест и Красная плита, острейшие подводные скалы, которые, как бритвой, вспарывают судно. Но и это не все: тут же примостился островок, за которым бурлит так называемое свальное течение. И глубина всего три метра, а у моего судна осадка три и три десятых. Вот и порхай, как знаешь! А против течения самостоятельно вообще не пройти. Выручает судно-туер «Енисей»: на палубе у него мощная лебедка, она соединена тросом с якорем, который закреплен выше порога. Туер берет нас на буксир, включает лебедку и, подтягиваясь на тросе, проползает опасное место. Нет, Иван Назаров был прав: сибирскими капитанами становятся на Казачинском пороге.

ВЗРАСТИВШАЯ ГЕРОЕВ...

Вольготно раскинулось на берегу Кана старинное сибирское село Бражное. С одной стороны вековечная тайга, с другой — поля, у нее отвоеванные. На первый взгляд село как село. Да и совхоз «Заветы Ильича» не самый крупный в крае, но слава о его тружениках разнеслась по всему Красноярью — на этой земле выросло двадцать два Героя Социалистического Труда! Правда, иных уже нет, другие разъехались, но шестеро живут и трудятся тут.

Днем нам повидаться не удалось — многие на работе, зато вечером, по-старинному сибирскому обычаю, встретились за пельменями. У каждого — звезда Героя, а у Н. Н. Качаева, кроме того, два ордена Ленина и орден Трудового Красного Знамени, у Д. И. Качаева — два ордена Ленина, у В. И. Коровина — три ордена Ленина и орден Трудового Красного Знамени, у М. С. Козлова — орден Ленина и орден Трудового Красного Знамени, у В. М. Манылова — орден Ленина и множество медалей, у А. С. Матвеева — два ордена Ленина и орден Октябрьской Революции.

Все они коренные сибиряки, потомственные крестьяне, родившиеся на берегах Кана. Совершенно непохожи друг на друга, но есть в них и общее: какая-то основательность, прочность, я бы сказал, значительность. Вот Александр Семенович Матвеев — саженного роста и богатырского сложения. Рассказывают, что когда был помоложе и работал на колесном тракторе, то терпеть не мог разворачиваться в конце загона: просто приподнимал задние колеса и передвигал трактор в нужном направлении. Говорит он не спеша, взвешивая каждое слово. И хотя в прошлом году ушел на пенсию, трактористы чуть что бегут к нему за советом: такого знатока техники не сыскать во всей округе.

— Так ведь не захочешь, а научишься,— пояснил Александр Семенович.— Я сорок лет не слезал с трактора. А в войну чинил танки. Под огнем, бывало, залезешь в мотор и ковыряешься. Ну, экипаж, само собой, прикрывает. Глядь, через полчасика доложишь: танк, мол, готов к бою. А после войны... Тракторишки-то кой-какие были, а вот комбайнов днем с огнем не сыщешь. Но я две машины сляпал, можно сказать, из швейной машинки и велосипеда! — хохотнул он.

— Да,— подхватил В. И. Коровин,— это сейчас у нас сто тракторов и полсотни комбайнов, а я помню, как в 1929 году появился первый «фордзон». Мальчонкой был, а к технике тянулся: по ночам, когда все спали, взбирался на сиденье и трогал рычаги. Самая заветная мечта: пропылить по деревне, а девчата чтоб пели «Прокати нас, Ванюша, на тракторе...».

Войну я встретил в поле, пахал. Пригнал на стан свой ХТЗ, а сам — на поезд. В декабре сорок первого бросили нас под Тихвин: я был командиром «сорокапятки». Слабенькая пушчонка, а дело свое делала — танки мы не пропустили. Правда, об этом я узнал в госпитале; почти неделю был без сознания, голова продырявлена, нескольких ребер нет. И все же выжил. Но воевать не пришлось, списали по чистой. Вернулся в Бражное, принял бригаду у Васи Манылова, а он — на фронт, на мое, значит, место.

— Я тоже воевал недолго,— с сожалением сказал Василий Маркелович.— Под Белой Церковью разнесло снарядом и мой пулемет и меня. Позвоночник зацепило, а правая рука — что есть, что нет. Врачи сказали: со второй группой инвалидности не работник. Но я снова сел на трактор. А что делать?! На все село — четыре мужика, и те увечные.

— Теперь вы видите, какие у меня учителя,— благодарно улыбнулся Н. Н. Качаев.— Когда они, израненные, возвращались домой, мне было тринадцать лет — по тем временам вполне самостоятельный возраст. Начал прицепщиком у моего однофамильца, потом работал с Коровиным, потом с Маныловым. А у них было правило: пока не разберешь и не соберешь трактор, да так, чтобы не осталось ни одной лишней гайки, за руль не сядешь. Словом, школу прошел настоящую. Теперь работаю на К-700. Чудо, а не машина! Что по тайге, что по болоту, что в поле — идет, как зверь. Но в прошлом году и людям и технике досталось по первое число: за все лето ни одного дождя. А ведь хлеба мы сеем только яровые, без влаги семена и проклюнуться не могут. Катастрофа, настоящая катастрофа. Поливали, вносили удобрения, делали, что могли... В этом году возьмемся за дело по-другому: раздобудем семена, которые не боятся засухи, обеспечим хороший полив; подготовим все необходимое и на тот случай, если лето выдастся дождливым. Что говорить, труд хлебороба во многом зависит от капризов природы, но нельзя забывать и старой народной мудрости: что посеешь, то и пожнешь. Речь-то здесь не только о семенах...

— Это уж точно,— кивнул А. С. Матвеев.— Я вот молодым всегда говорю: крестьянский труд души требует, сердца. Земля холодных людей не любит. Ее не только потом поливать надо, но и слезами, которые от добрых чувств бывают. У нас, бражненских, это стало правилом, или, как теперь говорят, стилем.

КРЫЛЬЯ ДЕЛАЮТ НА ЗЕМЛЕ

Познакомились мы в краеведческом музее. Во главе группы пограничников шел невысокий мужчина в черном костюме, с орденом «Знак Почета». Экскурсовод почему-то не рассказывал о тканях, угле и меди, выставленных на стендах. Он стремительно направился к серебристой чушке алюминия и, дождавшись, когда подтянутся пограничники, сказал:

— Это и есть наш первый алюминий! Получили его 30 апреля 1964 года. А в бригаде, между прочим, были в основном пограничники.

— А вы? — спросил кто-то.

— Я тоже. Только я был немного старше своих товарищей: в запас ушел в звании капитана и поехал на строительство Красноярского алюминиевого завода, сагитировав пятьдесят сослуживцев.

— Как же вы без специальности? Строить — это ведь не в дозор ходить.

— Молодец! — улыбнулся бывший капитан.— Сразу видно пограничника: не обращая внимания на второстепенные детали, берет главный след. Трудно сначала было, но без дела не сидели: я, например, недолго орудовал лопатой, потом перебрался на экскаватор — сперва помощником машиниста, а через год и сам сел за рычаги. Тогда это была самая нужная профессия: вокруг чистое поле, и прежде всего предстояло готовить котлованы под фундаменты жилых домов, а потом уж и цехов. Но мечтал я о другом: хотелось выучиться на металлурга. Потому и поступил на заочное отделение института цветных металлов. Когда поднялись цеха и начался монтаж оборудования, вызвали нас в дирекцию и предложили стать электролизниками. А это, чтоб вы знали, самая главная на том заводе профессия. Можно сказать, весь завод работает на электролизника, чтоб он алюминий выдал. Каким будет этот металл, что из него сделают — крылья самолета или ложки,— тоже зависит от электролизника... Учили нас в Иркутске. Вернулись мы к пуску первого цеха и отлили вот эту пятнадцатикилограммовую чушку.

— Я где-то читал, что, не будь Красноярской ГЭС, не было бы и завода. Правда? — спросил рыжеватый парень.

— Правда! Получение алюминия — процесс электрохимический, так что мы, пожалуй, главные клиенты крупнейшей в мире Красноярской ГЭС. А кто знает, что еще нужно, чтобы отлить вот такую чушку?

— Глинозем,— неуверенно ответил кто-то.

— Правильно, глинозем. Но какой? Во всем мире глинозем делают из бокситов, а на нашем заводе впервые в стране получили алюминий из нефелиновых руд. Это очень сложное дело! Правда, главные герои здесь не мы, а специалисты с Ачинского глиноземного комбината.

— Так что же вы нам посоветуете: идти на стройку или сразу в их электролизниками? — раздался деловой вопрос.

— Вопрос, можно сказать, в лоб... Как вы знаете, строительство завода продолжается, так что люди там нужны. Нужны хорошие руки и мне, а я теперь начальник четвертого цеха. На стройке вы можете сразу приступить к делу, у меня же сначала надо учиться. Вот и выбирайте...

Я представился Михаилу Федоровичу Синани и признался, что принял его за экскурсовода.

— А я и есть экскурсовод,— улыбнулся он.— Традиция у нас такая: показать «новобранцам» город, завод, цех и заодно, так сказать, сориентировать. Выбор профессии — дело нелегкое, по себе знаю, так что надо ребятам помочь. Тем более что каждый из них свой брат, пограничник. Должен сказать, заводу очень повезло, что над ним шефствуют погранвойска: как вбили первый колышек ребята в зеленых фуражках, так до сих пор посылают сюда лучших из лучших. Вот и эти... Приезжайте к нам лет через пять и увидите: все они станут первоклассными специалистами, понимающими, какое важное дело выпало на их долю. Ведь наш главный девиз — ни на минуту не забывать, что крылья делают на земле.

СОЛНЕЧНЫЙ РОДНИК

интервью «Огонька»

Зульфия... Так вот, по имени, с дружеской симпатией называют ее, народного поэта Узбекистана, не только читатели братских советских республик, но и миллионы любителей поэзии в Дели и Каире, в Ханое и Маниле, в Пхеньяне и Токио, в Софии, Праге, Берлине, Париже... Известная узбекская поэтесса Зульфия Исраилова — активная участница афро-азиатского писательского движения, она лауреат премии Джавахарлала Неру, премии «Лотос», учрежденной Ассоциацией писателей стран Азии и Африки, и республиканской Государственной премии имени Хамзы.

Стихи Зульфии — искренний рассказ участницы и очевидца революционного преобразования угнетавшегося веками края в цветущую социалистическую республику. Ее творческое кредо: дело поэта — его слово. Как не вспомнить здесь такие разноликие книги Зульфии — «Страницы жизни», «Песни девушек», «Верность», «В дни разлуки», «Доброе утро, люди мира!», «Живой дождь», «Моя весна», «Водопад»...

И вместе с тем много сил отдает Зульфия общественной деятельности. Она депутат Верховного Совета Узбекской ССР, участвует в работе Международной демократической федерации женщин, многие годы возглавляет республиканский женский журнал «Саодат» («Счастье»).

Недавно в связи с исполняющимся шестидесятилетием поэтессы с Зульфией беседовал собственный корреспондент «Огонька» Вячеслав КОСТЫРЯ.

— Нам показалось не лишенным символики, уважаемая Зульфия, что именно ваша юбилейная дата пришлась на Международный год женщины.

Зульфия. Просто приятное для меня совпадение... По-настоящему же символично то, что нынешний, столь многообещающий во всех отношениях год провозглашен XXVII сессией Генеральной Ассамблеи ООН Международным годом женщины. Это признание особой роли и выдающихся заслуг женщин в решении насущных проблем современности. Никаких сомнений в том, что бабушки, матери, жены, сестры, дочери всех народов планеты не пожалеют сил, чтобы прежде всего надежно оградить семейный очаг от войны!

— Помнится, лет десять и более тому назад вы говорили об этом столь же горячо! Даже интонация одинаковая...

Зульфия. Правда?.. Что ж, спешу сделать соблазнительный вывод, что я «ничуть не изменилась»... Спасибо...

— Это вовсе не комплимент! В одном из стихотворений вы совершенно справедливо дали отповедь «безжалостному зеркалу»:

Мой возраст обнажаешь
ты со злобой,
А знаешь ли о возрасте
души?
Ты книгу чувств моих
прочесть попробуй...

Зульфия. Будем считать, что стихи и на этот раз пришли мне на помощь... Вот если бы они с такой же готовностью всегда выручали других — моих читателей! И по более крупному счету... Помогали жить, бороться за торжество дружбы и человечности над силами зла и жестокости.

— Об этом будет новая «книга чувств»?

Зульфия. Это магистральная тема века. Собственно, ей посвящены и все мои предыдущие книги. В новой же хочется дойти до самого сердца читателя, и не только соотечественника, но и зарубежного, особенно в странах Азии, Африки, Латинской Америки, чтобы раскрыть перед его взором реальную Страну Поэзии. За впечатляющими образами далеко ходить не надо. Древняя земля Советской Средней Азии буквально на моих глазах помолодела и расцвела.

— Не потому ли, к примеру, в цветущем по весне вишневом саду вам увиделись не традиционные девственные снега горных вершин или белизна чалмы, а девушки-невесты, готовящиеся к комсомольской свадьбе, и богатые хлопковые караваны?

Зульфия. Причина в изменении самой жизни... Но, как говорится, лучшая песня всегда впереди. Стихотворение «Вишни» написано давно, и «нетрадиционные» образы перестали быть таковыми. Каждый раз необходимы свои открытия... Работая над новыми стихами, я убедилась, что требование новизны отнюдь не чисто формальное, оно — от многообразия действительности. Если идти в глубь темы, возможность художественных открытий неисчерпаема!

— Ваши стихи изданы на многих языках. Как удалось вашим книгам столь счастливо преодолеть языковые барьеры?

Зульфия. Большинство моих произведений впервые вышло за пределы республики благодаря переводам на русский язык. Это мой второй родной язык, русская советская литература — мой постоянный университет высокой идейности и мастерства. Будучи гостьей от Узбекистана на Втором съезде писателей Российской Федерации, я не преминула с глубокой признательностью сказать, что из поколения в поколение длиннокосая узбечка в тюбетейке, затаив дыхание, читает золотые шолоховские страницы о любви Григория Мелехова и Аксиньи, что в узбекских кишлаках бывшие фронтовики считают Василия Теркина своим побратимом... Лично я особенно благодарна поэтам-переводчикам Семену Липкину, Владимиру Державину, Николаю Ушакову, Науму Гребневу, Новелле Матвеевой, Юлии Нейман... Их переводы открыли пути-дороги моим стихам по стране и далеко за ее пределы.

— Судя по вашей почте, этими же путями-дорогами отовсюду идут к вам друзья. Можно познакомиться вот с этим письмом?

Зульфия. Пожалуйста. Это из Софии, от болгарской писательницы Лиляны Стефановой... Писатели Узбекистана в большой дружбе с писателями Болгарии, Лиляна же — автор замечательной книги о нашей республике.

— «...Мы знаем, что вы слышали в детстве крики басмачей и контрреволюционеров, плач узбекских рабынь, предсмертные стоны первых женщин-героинь, сбросивших паранджу. А теперь вы, известная поэтесса, беседуете с писателями всего мира...» Все верно, но скажите, откуда у Лиляны Стефановой такое знание подробностей вашей биографии?

Зульфия. Скорее всего из стихов, хотя я и писала об этом другими словами. Художественный образ рождает множество ассоциаций... Знаете, все же главное в моей жизни — это работа над стихом. От него зависит сила воздействия на читателя, а следовательно, и диапазон общественного влияния поэта.

— Особенно если поэт редактирует популярный журнал, на страницах которого появляются все новые имена молодых литераторов... Согласны?

Зульфия. Это мое увлечение. Со страниц нашего журнала начали свой путь в большую литературу известные ныне узбекские поэтессы Гульчехра Нуруллаева, Гульчехра Джураева, Халима Худайбердыева... Радует то, что среди авторов «Саодата» немало девушек-узбечек, очень серьезно относящихся к литературному труду.

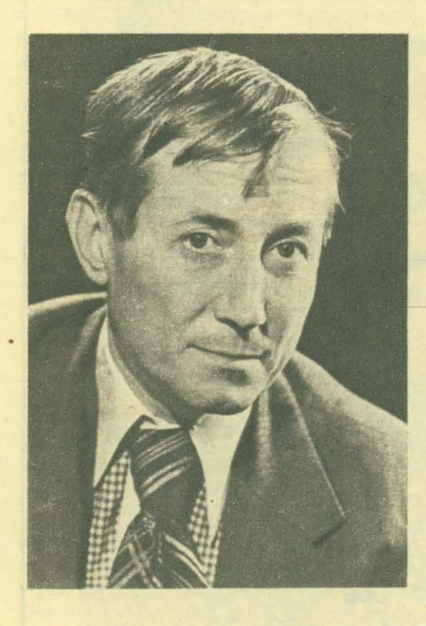
— Хороший признак. Вы тоже начинали с книги под заглавием «Страницы жизни» в неполные восемнадцать лет...

Зульфия. Признаться, продолжаю писать эту книгу и сейчас. Но если в юности я как бы с расстояния любовалась помолодевшим лицом родной земли, то теперь меня трогает самая малая черта его... Даже тень от листвы, скажем, в когда-то пустынном Голодностепье! Рассыпанная тополями, она кажется похожей на легкую рябь родника...

— В «Весеннем водопаде» вы сказали: «Солнцелунник мечет стрелы, выгнув радугу, как лук»... Новых вам солнечных попаданий в души читателей, уважаемая Зульфия!

Евг. ЕВТУШЕНКО

БЕГЛЕЦ

Это трагическое интервью, к сожалению, не является плодом моего поэтического преувеличения. Будучи в Гонконге в качестве специального корреспондента «Огонька», я только записал стихами исповедь одного из многочисленных беженцев из Китая.

1

«Кто такой был Шекспир?»
«Я не знаю».
«Моцарт?
Гете?
Толстой?»
«Я не знаю».
Век двадцатый?
Врет календарь.
Это будто бы шутка злая.
Странно шутит беглец из Китая.
Он совсем не борец,
не бунтарь.
Его высшее образованье,
как убожества обрисованье.
«Кто такой Дон Кихот?
А Христос?
Кто такой Маяковский?
Пушкин?»
Парень будто бы в воду опущен,
и пора прекращать допрос.
«Я не зна...
Я не зна...» —
мычанье.
«Я не слы...
Я не слы...»
И молчанье.
Обокраден каким подлецом,
кончив пединститут кантонский,
он —
с угодливостью конторской
и крестьянским простецким лицом?
Его, худенького и крохотного,
в плавках вытащили мокрехонького
из воды два часа назад.
Но прошел он пекинскую школу:
осторожно он пьет пепси-колу —
буржуазного общества яд.

«Бо Цзю-и вы читали?»
«Когда-то
дед читал мне на память цитаты.
Память крепкая у старика».
«Ну, а что вы читали?»
«Мало.
Больше все — председателя Мао».
Эта фраза страшна и жалка.
«Председателя вы уважали?»
«Уважал».
«Почему вы сбежали?»
«Потому что хотелось есть.
Проявил недостойную слабость.
Снова,
чтобы с пороками сладить,
надо было мне Мао прочесть».
С ним невеста его сбежала.
Она в комнате рядом от жара
бредит —
бедной невмоготу.
Ровно десять часов заливом
они плыли смертельным заплывом
сквозь прожекторы и темноту.
Расколоть его не удается.
Задаю вопрос идиотский:
«Целовались вы с нею в пути?»
«Нет...
Мы слишком замерзли, дрожали.
Лишь порою на спинах лежали,
чтоб дыхание перевести».
Дальше —
горький трагизм анекдота:
«До нее вы любили кого-то?»
«Председателя Мао...» —
ответ.
«А имеет кто-нибудь право
не любить председателя Мао?»
«Нет».
«А есть, кто не любит?»
«Мой дед».
Милый дедушка хунвэйбина,
слава богу, твой ум не убило.
В твоих внуках —
опасный туман,
но спасительная свобода
скрыта в мудрости древней народа,
если главидеолог —
тиран.
Задаю вопрос,
и без пряток:
«Кто такие русские?»
Краток —
«Это наши враги...» —
ответ.
«Кто такие американцы?»
«Лучше русских,
но... иностранцы.
К ним доверия тоже нет».
Очугуневшей головою
я качаю
и чуть не вою,
слыша эти тупые слова
отвечающего, как спросонок,
оболваненного с пеленок
человеческого существа.
Я молчу, чуть не слезы глотая.
У меня к народу Китая
нету ненависти никакой.
Никакой не читаю морали, —
просто страшно, что обобрали
чью-то юность рукой воровской.

У народа украли культуру.
Разрешили мускулатуру
для оружия и древков.
В молодых —
бездуховная мутность,
и почти нелегальщина —
мудрость
уцелевших еще стариков.
Что вы сделали с человеком,
ограничив его черствым вето
на свою —
не цитатную мысль?
В бездуховной грязи и скучище
это ваш знаменитый скачище,
знаменитый,
а все-таки — вниз?

2

Страшен этот разговор.
Парень вроде омута.
Кто
кого расколол:
я — его,
он — меня?
В тишине звучит
его
ровный жуткий голос.
Никто —
никого.
Что-то раскололось.
Ложь разбилась навсегда,
вроде скифской бабы:
«Бескультурье —
не беда...
Линия была бы...»
«Либо мы —
либо они»,
линия и знамя.
Страшно этой линии:
ведь «они» —
мы с вами,
ставящие у Тайшета
строек новые столбы,
собирающие где-то
подмосковные грибы.
Вот она,
линия,
где во имя зодчества
люди стали глиною:
лепи из них,
что хочется.
Вот она,
линия,
где побои празднуют:
«Каюсь,
исцели меня,
кормчий наш,
от разума!»
Вот она,
линия,
ханжески-умильная,
как петля липкая,
ласково намыленная.
Где умы убогие,
как членистоногие,
нет идеологии —
лишь креслеология.
Души стольких сломив,
подменив
души,
в пухлом кресле
красный миф —
розовые уши.
И китайская стена
бескультурья грозного,
как в потенции война,
и отнюдь не розовая.
Тем, кому ничто Шекспир,
тем ничто
и целый мир!

ИЗ КИТАЯ

Неужели,
мир креня,
как Даманский, дымная,
станет
линией огня
бескультурья линия?
В бескультурье есть всегда
семена преступного.
Бескультурье —
не беда,
если не пристукнуло.

3

Как народ ни оболваньте,
правда все-таки одна.
Трудно верить пропаганде,
если лживая она.

И грустил седой китаец —
хунвэйбина старый дед,
совершенно не считаясь
с песнопеньями газет.

«Побеждайте, побеждайте,
стройте Мао пьедестал,
но меня не убеждайте
в том, что я счастливым стал.

Вы орете о народе,
но народ не так уж глуп.
Из того, что вы орете,
не сварить народу суп.

Я крестьянин. Я — о пользе.
Я на пользе век стою.
Про вождя скажу я после.
Я сначала — про свинью.

Я, конечно, уважаю
председателя — Чжу Си,
но свинья мне не чужая,
как ни требуй, ни проси.

Внук, взгляни: ты видишь чушку?
До чего она мила!
Председателю — все чувства,
но животная — моя.

Не давал ей, правда, риса.
То, что было, то давал.
Словно в опере актриса,
раздалась, лежит вповал.

«Ты расти, свинья, большая,—
я нашептывал с душой,—
я всего себя лишаю,
чтобы ты была большой».

Но решили так в Пекине,
что животная моя
не моя свинья отныне,
а всеобщая свинья.

И хотя мне было больно,
я, как честный гражданин,
сам свинью отвел на бойню,
и не только я один.

Как велит вождя программа,
в общем радостном строю
покупал потом пограммно
я животную мою.

Вот какая жизнь в народе,—
хоть послать ее к свиньям.

О свинье сказал я вроде?
Кто свинья — подумай сам».

Хунвэйбин взглянул на деда:
«Провоцирует меня?
Неслучайная беседа,
и двусмысленна свинья...

Донести,— плясали нервы,—
или нет? Вот в чем вопрос.
Ну, а если дед мой первым
донесет, что не донес?»

И крылатыми шагами
он помчался и в пути
думал, словно новый Гамлет:
«Донести — не донести?»

Но потом остановился,
несмотря, что перед ним
на плакате вождь явился:
«Заходи, поговорим».

Хунвэйбин припомнил детство,
рыло доброе свиньи,
молодого еще деда
и полстрочки Бо Цзю-и.

И, вождю секрет не выдав,
не зайдя в манящий дом,
в пользу деда сделал выбор
между дедом и вождем.

Да, большой скачок планеты
ощутили старики.
Как фальшивые монеты,
недоносчики редки.

Милый дедушка-китаец,
ты услышь слова мои
и, в своей земле копаясь,
маоизм переживи.

Я мечтаю, я мечтаю,
собираясь тайно в путь,
что по новому Китаю
поброжу когда-нибудь.

На коленях покачаю
китайчат в твоем краю,
а с тобою выпью чаю
и трепангов пожую.

У народа будет праздник
после стольких долгих мук.
Верю — будет правым правнук,
если был неправым внук.

4

«Партийны только хунвэйбины!» —
слова орали на стене,
и второгодники-дубины
погром устроили в стране.
Он вышибал ногою двери
вредительских библиотек
и верил,
верил,
верил,
верил,
что эта линия —
навек.

«Антипартийны хунвэйбины!» —
«Жэньминь жибао» изрекла,
и замерли громилы-лбины
на грудах пепла и стекла.

Он полудетски-полузверьи
рыдал,
содеявший не то,
и верил,
верил, верил, верил,
уже не зная сам, во что.

Осоловелые от веры,
профанатичены насквозь,
исчезли дурни-изуверы.
Безверье верой назвалось.

Он из фанатика стал циник.
Переменились времена.
Он понял:
власть недаром ценит
лишь тех, кто гибок, как она.

Он жил, вынюхивая ветер.
Примером сделались ему
лишь те,
кто верит в то, что верит,
хотя не верит ничему.

5

А у него была невеста.
Фарфоров личика овал,
и он ее совсем невесело,
антипартийно обнимал.

Послали их пропагандистами
в коммуну нищую одну,
где их прозвали «проходимцами»,
но про себя,
как в старину.

Крестьянам чужды были ватнички
с Мао Цзэ-дуном на значках
и эти красные цитатнички
в их немозолистых руках.

Успех горланов был премаленький,
но, им не делая вреда,
кормили все же их трепангами
и даже рисом иногда.

Лишь перерыв пробьет обеденный,
а цитадеры тут как тут
и вновь читают Мао, бедные,
поесть крестьянам не дадут.

И тракторист сказал с лукавинкой,
так, чтобы всех не рассмеять:
«Мне чай мешает,
мной лакаемый,
идеи Мао усвоять.

Когда я,
извиняюсь,
кушаю,
то за ушами страшный треск,
и, значит, Мао плохо слушаю,
а кто не слушает —
не ест.

Рацпредложенье мое краткое:
готов,
отведавши рисца,
когда работаю на тракторе,
цитаты слушать без конца...»

И шли студенты за хитрехоньким
тем трактористом по полям,
читая Мао в страшном грохоте
с крестьянским смехом пополам.

Но в ту глубинку для ревизии
партийный прибыл мандарин,
вопросы духа и провизии
своим вниманьем одарил.

Рацпредложение —
не смешивать
идеологию и рис —
он счел за гнусную насмешливость,
и тракторист —
где тракторист?

И мандарин, сопя,
набычившись,
все видя —
рядом и вдали,
спросил у хунвэйбина бывшего:
«Вы что,
любовь здесь развели?

А между прочим, та гражданочка...—
он замер, чтобы проняло,—
почти что как бы иностраночка.
В Гонконге тетка у нее».

Нет,
и любовь не дело личное,
и отношений тайных тех
антипартийность увеличилась —
стал государственным их грех.
Соображенья были высшие,
и наш герой,
от слез давясь,
из агитаторов был вышиблен
за ту сомнительную связь.

Ходил работу он выпрашивать
то на завод,
то на причал,
но всюду видели в нем вражескость:
великий Мао не прощал.

Когда б не случай,
то не смылся бы
и жил бы —
полусущество,
молясь всему тому бессмысленно,
что было гибелью его.

6

Будто бы золотая рыбка,
приплыла из Гонконга открытка.
Написала племяннице тетка,
что живет она скромно и кротко.

Две машины всего,
дом и вилла...
Но открытка картинкой давила.
На картинке был стол исполинский,
стол с шампанским
и с уткой пекинской.

Эта утка-ревизионистка
соблазняла бесстыдно и низко.
Эта утка была золотая,
словно будущее Китая
в описании великого Мао,
и племянницы волю сломала.

К жениху прибежала невеста,
показала открытку,
плача,
там, где утка была, как надежда,
как с румяной коркой удача.

Лихорадкою парня мяло
в муках совести и желудка.
Думал целую ночь про Мао,
но к утру победила утка.

7

Десять часов они плыли во мгле:
из мглы
во мглу.
Плыли к той утке на чьем-то столе.
Там бы присесть —
хоть в углу.

Шаря, искали прожектора,
с жаром искали, азартно
всех, кто постыдно бежал во вчера
из «воплощенного завтра».

Тот, кто жил в нем столько лет
и умел
видеть,
государственный секрет
может выдать.

Вот несется цепь машин:
в каждой —
важный мандарин.
Знает Мао в шторах толк:
расписной китайский шелк.

Шторы-шоры,
чтоб глаза
не тревожил свет.
Выражение лица —
государственный секрет.

Государственный секрет:
жив
или убит поэт.
Государственный секрет:
сколько курят
сигарет.

Государственный секрет:
есть мочалки
или нет.
Там, где счастье, из газет
прет,
разя мещанством,
государственный секрет,
если ты несчастен.

Десять часов они плыли без слов
и не покашливая.
Только две черные точки голов
покачивало.

Плыли, великого Мао забыв,
в звездности ночи.
Вот вам любовь —
обреченный заплыв
двух одиночек.

Что там такое?
Суши кусок?
Держись!
Еще капельку!
Близко!
И под ногами блаженный кусок
проклятого капитализма.

8

Теперь настал и эпилог.
Он, как самой судьбы подлог,
закономерный, впрочем.
Открытка правильной была.
Богато тетушка жила,
но жмотничала очень.

С расчетцем приняла в семью
она племянницу свою:
«Девчонка — из жемчужин!»
На жениха вниманья — ноль.
Жених, сыгравший свою роль,
ей больше не был нужен.

Племяннице был найден муж:
кинопродюсер и к тому ж
владелец ресторанца,
а бывший бедный хунвэйбин
лед под коктейли им долбил
и плакал, но старался.

А утка, чуточку смугла,
свои румяные крыла
на свадьбе поднимала,
а тетка, скопчески кругла,
бокал с шампанским подняла.
Вот парадокс: она была
похожею на Мао!

Гонконг — Москва, 1973—1974 гг.

НАКАНУНЕ

Много и добротно работающий в нашей литературе Юлиан Семенов вынес на суд читателей новый роман. Происходящие в нем события относятся к весне 1941 года. Автор повествует о том, как военная машина фашистской Германии собиралась раздавить свою очередную жертву — Югославию.

С привлечением богатого архивного материала, с большим знанием дела Ю. Семенов пишет о том, как тщательно готовили агрессоры это преступление. Они полагались не только на бронированный кулак, но и на подрывную работу своих агентов в Югославии. Описание невидимой вероломной работы тайных служб фашистского аппарата всегда хорошо удается Ю. Семенову, и в «Альтернативе» хитросплетенная сюжетная линия не может не увлечь читателя. Да и фашистские агенты в книге являются не ходячими схемами, а полнокровными литературными персонажами. Они находчивы и изворотливы и вместе с тем гадки и отвратительны, они служат неправому делу, во имя своих корыстных целей идут на любые жестокости и преступления.

В этом змеином клубке приходится жить и работать советскому разведчику Юстасу (Штирлицу). Этот литературный образ не нуждается в рекомендациях. Думаю, любой читатель немедленно раздобудет новый роман Ю. Семенова, как только узнает о том, что в нем действует Штирлиц.

Ни военное превосходство, ни происки фашистской агентуры не позволили гитлеровцам сделать Югославию легкой добычей. Народы Югославии поднялись на борьбу. Мы видим на страницах романа, как начинает развертываться героическое сопротивление фашистской агрессии. Мы видим во весь рост югославских коммунистов, собственной кровью вписавших славные страницы в летопись борьбы с немецким фашизмом. Образы этих лучших представителей Югославии — большая удача автора, который, рисуя их, поднимается в творчестве своем на новую ступень.

Под последней фразой романа стоит адрес: Москва — Белград — Загреб. Это не формальное перечисление городов. Автор детально и точно, с любовью описывает эту поистине удивительную славянскую страну.

Помимо всех названных достоинств нового произведения Ю. Семенова, оно является также немалым вкладом в дружбу народов наших двух стран. А эта дружба — сила немалая! Потому и вдвойне ценен роман.

В. ДМИТРИЕВ

Ю. Семенов. Альтернатива. «Дружба народов», №№ 7—9, 1974.

Аркадий САХНИН

«НАДО ВЕДЬ КАК-ТО ЖИТЬ...»

Баранов давно знал, где его дочь и чем она занимается. Гордость не позволила ему идти к ней. Девчонка может еще подумать, будто он чувствует за собой какую-то вину, будто пришел извиняться или звать домой. Правда, гордость появилась позже, когда опасность миновала. А в первую минуту после случившегося, вернее, как только узнал о регистрации в полиции нравов, думать о дочери было некогда. Тогда во всей опасности встал вопрос о собственной судьбе. Чем это может кончиться для него?

Вся история, несомненно, уже известна начальству. И, вероятнее всего, не только шефу — американскому полковнику Джеймсу Брауну. А в обстановке подсиживания, склок, зависти, царящих на «Свободе», кое-кто уцепится, конечно, за этот случай.

Баранову в тот момент было не до Тани. Зато он хорошо продумал создавшуюся ситуацию и подготовил весьма крупные козыри перед тем, как вступить в игру. А опыт игрока у него был большой.

До войны Баранов заведовал сельской школой в нынешней Кокчетавской области и учился на заочном отделении юридического института. На фронте ему стало ясно: Советский Союз будет разгромлен, а поэтому есть прямой смысл сдаться в плен и идти на службу к немцам. Он сказал, что имеет юридическое образование, поэтому Власов назначил его прокурором. Любой оплошности солдата было достаточно, чтобы Баранов настаивал на смертном приговоре. Его боялись даже приближенные Власова, и требования прокурора всегда выполнялись. Ему боялись возражать, ибо знали, что его месть будет изощренно жестокой.

Готовясь к объяснению с начальством относительно инцидента с дочерью, Баранов продумал много вариантов. Если от всего отказаться: «Можете ли вы поверить, чтобы родной отец грохнул об пол дочь? Да это чудовищная выдумка»,— начальство поймет, где подлинная правда, ибо достаточно осведомлено о его жестокости. Не подходили и другие варианты.

После войны Баранов пошел в энтеэс. Бьющая через край инициатива в создании антисоветских фальшивок привела Баранова в число главарей энтеэсов. Хваля его за очередную провокацию, кто-то из американских хозяев сказал: «Сразу видно, чей это почерк».

В ЦРУ понимали: нет смысла держать его в энтеэсе, копошащемся в мелких делах. Куда больше он принесет пользы на радиостанции «Свобода», оснащенной современной американской аппаратурой. К тому же и связь этих двух организаций будет более органической. Его перевели на «Свободу», однако почерк остался прежним. И почерк этот в новых фальшивках, запускаемых через микрофоны, хорошо известен начальству. Значит, любую придуманную им версию относительно дочери могут разгадать.

Свой поступок он объяснил так: «Поездка моей дочери в сегодняшнюю Россию, дочери бывшего прокурора освободительной армии Власова, одного из руководителей энтеэс и русской редакции «Свободы», для меня равносильна смерти. Во имя моей дочери я бы пошел на это. Но во имя дела — нет. Во имя нашего святого дела я готов на любые крайние меры».

Его похвалили. Сказали лишь, что легко обойтись и без крайних мер, просто он сгоряча не подумал, просто можно не дать ей визы.

Когда все неприятности остались позади, он смог спокойно подумать о дочери. Но необходимость искать встречи, чтобы как-то улаживать конфликт, отпала.

И вот дочь перед ним. Случайная эта встреча произошла ночью, в таком месте, где ее пребывание было вполне естественным, а о причинах его появления там было нетрудно догадаться.

Они столкнулись лицом к лицу и просто пройти мимо друг друга, как незнакомые люди, не могли. Растерянно он сказал:

— Ну, что же ты, Таня?

Она стояла молча, опустив голову, не в силах поднять глаза. А он, не находя других слов и понимая, как глупо вот так стоять молча, снова сказал:

— Ну зачем же ты так, Таня?

Она ответила тихим, прерывающимся голосом:

— Пойдем ко мне, поговорим. Я живу совсем рядом.

Встреча с дочерью расстраивала его планы. Не так уж часто он мог выбраться в этот район. Слишком много сил и времени отнимала работа.

Всю послевоенную жизнь он создавал документы, призывавшие к свержению Советской власти. «Холодная война» согревала его сердце. И в этой войне он не был сторонним наблюдателем. Работал без устали, действовал умно. На основе критических выступлений в советской печати настолько умело разрабатывал «волнения» в СССР, что непосвященных они поражали своей правдоподобностью. Его воображение рисовало все более страшные картины жизни в СССР, и плод его мечтаний, размноженный на полиграфических базах США и ФРГ, разносимый их мощными радиостанциями и телевизионными центрами, органически вплетающийся в общий поток антисоветской пропаганды, казалось ему, неизбежно приведет к свержению строя. Еще немного, еще чуть-чуть, и цель будет достигнута.

Огромные усилия разбивались как о стену, не находили отклика, и это все больше раздражало его. Нарастала ненависть к народу, который, сколько ни толкуй, не может понять, что за пределами Родины немало настоящих людей, таких, как он, давно готовых принять на себя историческую миссию и возглавить руководство страной. Ему хотелось пожать плоды своих трудов, хотелось наяву увидеть мифические заговоры и восстания в СССР, которые так красочно изображал он на бумаге. Хотелось чего-то грандиозного, масштабного, глобального. И «глобальное» появилось.

Из-под его пера вышла «Программа демократического движения Советского Союза», якобы присланная на Запад из СССР и подписанная «Демократы России, Украины, Прибалтики».

Я читал эту книгу, изданную на отличной бумаге. Читал и ряд его творений, предшествовавших ей. Какие бы небылицы он ни придумывал, никогда раньше они не содержали открытых оскорблений народа. А тут нервы не выдержали. Вся злость, скапливавшаяся годами, вылилась в чудовищных оскорблениях русского народа, не желающего свергать свой строй.

Баранов разбил «Программу» на главы для серии передач по каналам «Свободы». Но передачи не состоялись. Должно быть, поняли, сколько следов на фальшивке, как легко ее разоблачить.

Это был крупный провал, который Баранов тяжело переживал. Он нервничал. Никого, кроме самого себя, не обвинял. Не понимал, как при его опыте и выдержке мог так непростительно грубо ошибиться. Ошибка бесспорная и, что хуже всего, необъяснимая.

Приехав из Мюнхена во Франкфурт-на-Майне по делам энтеэса, отправился на Таунусштрассе, чтобы хоть немного развеяться. И тут, как назло, встреча с дочерью. Отказаться идти с ней? Но она уже пошла. Повернуть тихонько в обратную сторону, постыдно бежать? Гордость и чувство собственного достоинства не позволили ему так поступить. И он зашагал вслед, поравнялся с ней.

Шли молча. Пересекли Таунусштрассе и свернули в полутемный переулок. Он сказал:

— Эти муниципальные власти просто возмущают меня. Такие налоги дерут с населения, а осветить улицу не могут.

Таня ответила:

— Здесь специально мало света.

— Ну хорошо, пусть здесь, а другие улицы? Чуть из центра свернешь, сразу темнота, хоть глаз выколи. И никому до этого нет дела, просто смешно. Конечно, там, где они сами живут, фонари понавешаны, как прожектора, а о людях не думают, пусть мучаются. И вообще я тебе должен сказать, что в муниципалитетах засели просто дельцы. Дельцы, думающие только о собственной выгоде.

Таня ничего не ответила. Еще немного шли молча. Потом он сказал:

Продолжение. См. «Огонек» № 9.

— А я ведь тебя послушал, Танюша. Помнишь, ты все говорила — пора купить новый рабочий костюм. Это вот на мне новый, ты обратила внимание?

— Мы пришли,— остановилась она у входа в одноэтажный старый дом, затянутый вьющимся диким виноградом. Отперла дверь, зажгла свет в прихожей, через холл провела к себе мимо трех закрытых дверей. В комнате было чисто, уютно, стоял едва уловимый запах духов. Вытянутая вверх и немного в сторону рука бронзовой девушки держала цветок, из которого струился слабый голубой свет.

— Садись,— показала Таня на кресло.— Я что-нибудь приготовлю.

— Нет-нет, ничего не надо,— заторопился он,— я ведь ненадолго.

— Ну, тогда виски.— Открыла бар, он осветился изнутри, как освещается автомашина, когда открывают дверь. Достала начатую красивую бутылку, тонкостенные пузатые бокалы и содовую воду из маленького холодильника, стоявшего тут же.

— Ну зачем все это? — недовольно сказал он.— Что ты, ей-богу.

Таня налила виски ему и себе, села на круглый стул без спинки напротив него.

— Содовую наливай сам по вкусу.

Не добавив воды, он залпом выпил, сказал:

— Извини, Таня, я тороплюсь...

— Торопишься? — удивленно переспросила она.— Ну, пожалуйста...

Поднялась, быстрым, привычным движением дернула длинную молнию сзади на платье, тряхнула плечами, и оно упало к ногам.

— Что ты делаешь?! — вскочил Баранов.

— Так ведь ты торопишься,— с упреком ответила она, перешагивая через платье.— Извини,— расстегивала она лифчик,— я забыла предупредить, со стариков я беру втрое дороже.

— Сумасшедшая! — взревел он и, оттолкнув ее, бросился к двери. Она захохотала и прыгнула вслед, крича:

— Держите, держите, он не заплатил!

В холле появился огромный детина, преградивший путь Баранову.

— Что вам надо?! — заревел Баранов, пытаясь пройти к выходу.

— Денежки,— лениво ответил детина.— За постельку с Танечкой надо ведь платить.

Неожиданно он ударил Баранова своим огромным кулаком в живот.

Баранов не вскрикнул. Только, согнувшись, схватился за живот обеими руками. Потом немного выпрямился, извлек купюру в сто марок, положил на круглый столик и направился к двери.

— Маловато,— безразличным тоном сказал детина,— за такую девочку маловато,— и ударил кулаком в челюсть. Баранов упал.

— Бей его, бей его, ногами бей! — визжала Таня, суча кулачками, пока не зашлась в истерике.

* * *

Графиня Елена Бардес живет прошлым. Она рассказывала о своей молодости, а мне казалось, будто все это давно знакомо. Я не знал, говорит ли она о своей жизни или повторяет что-то кисейно-голубое, где-то давно ею прочитанное. Впрочем, оснований для того, чтобы сказать это с уверенностью, у меня не было. Возможно, и в самом деле она вращалась в высшем свете Петербурга и теперь вспоминала самое для нее броское из той жизни. Но так или иначе, мне надо представить графиню и привести именно ее рассказ, а не свои сомнения.

Великолепие балов, маскарадов, пикников Елена ощущала, видя, как готовятся к ним взрослые, а она, еще совсем девочка, только трепетно мечтала о чудесном, сказочном мгновении, когда сама появится в этом таинственно манящем, прекрасном мире и обязательно будет в центре его, и, наконец, первый ее бал, изумительный, захватывающий, неповторимый, как у Наташи Ростовой.

Игра хрустальных люстр на мраморных колоннах, сверкающие узоры паркета, оркестр где-то под потолком, шикарное общество и сама она, юная, неотразимая, то окруженная поклонниками — мальчиками из кадетского корпуса, то скользящая в плавном танце или несущаяся в головокружительном вальсе.

Вот, собственно, и все ее воспоминания, если отбросить бесконечные повторения одного и того же, обогащенные всякий раз новыми деталями.

Графиню Бардес я увидел за столиком под грибком на пляже в Пицунде напротив четвертого корпуса, где мы отдыхали вместе с писателем Юрием Корольковым. Она продавала бюстгальтеры. Озираясь, доставала из саквояжа по одному, чтобы не привлекать внимания. Тем не менее вокруг нее стали собираться девушки. Она решительно защелкнула саквояж и жестом показала — все, нет больше.

Я никак не ожидал встретить ее в Пицунде, тем более на нашем пляже. Уж если приехала, то куда удобнее ей находиться на своем пляже, близ корпуса, где и живут иностранные туристы. Откровенно говоря, он и благоустроен лучше нашего, там менее людно. Видимо, просто здесь больший спрос на западногерманские лифчики.

Я подошел к ней. Она тоже удивилась встрече и обрадовалась — хоть одна знакомая душа. Несколько минут восторгалась морем, сервисом, не очень складно объяснила свое присутствие на нашем пляже и незаметно перешла к воспоминаниям, очевидно, запамятовав о разговоре во время первой встречи у нее дома во Франкфурте-на-Майне. Правда, здесь, в Пицунде, кое-что добавила к тому, что я уже слышал.

В то страшное для нее время семнадцатого года семья разлетелась куда-то, она осталась одна, беспомощная, ничего не умеющая делать. А дальше ей и вовсе ничего не хотелось вспоминать. Потянулись тяжелые годы. Вышла замуж за Дмитрия Трусова, о котором тоже ничего не сказала, но, судя по каким-то отрывочным фразам, семейная жизнь шла нелегко и длилась недолго. Она снова осталась одна, но теперь уже с маленьким Володей на руках.

Мысли ее скачут, связного рассказа не получается. Она уже в Западной Германии, работает машинисткой в издательстве «Посев». Сводить концы с концами трудно. И вот ирония судьбы! Сторож и истопник «Посева», грубый, неотесанный и здоровенный мужик Петр Попов, чуть ли не делая одолжение, соглашается на ней жениться. «А то и рубаху простирнуть приходится самому».

Так с ее тонким, изысканным вкусом и манерами, с ее воспитанием в высшем кругу общества пришлось пойти на этот брак, выслушивать рассказы о мужицком житье, вплоть до его побега за границу в тридцатом году.

При встрече во Франкфурте-на-Майне она о муже не говорила да и не могла говорить, ибо он находился рядом. А попал я к ним при следующих обстоятельствах.

В ту первую ночь во «Флориде», когда я только познакомился с Владимиром Трусовым, мы так и не дождались Муштакова. Трусов был убежден: не сегодня, так завтра явится обязательно. Расков оказался прав: Трусов старался помочь мне как только мог. Думаю, известную роль в этом играл и тот факт, что он собирался с матерью в туристскую поездку к нам, рассчитывая, очевидно, и на мое содействие.

Мне не раз приходилось замечать — думаю, и другим товарищам,— что за рубежами нашей Родины каждый советский человек, кем бы он ни был, воспринимается чуть ли не как полномочный представитель государства. Будто может он принимать официальные решения, и уж на худой конец, любая высказанная ему мысль или просьба будут немедленно переданы лично руководителям страны.

Трусов побаивался, как бы советские органы не отнесли его к своим врагам. Я объяснил ему наши законы, по которым преследованию подлежат только те лица, чьи руки запятнаны кровью. Он и сам слышал об этом, и хотя был период, когда приходилось во имя куска хлеба выполнять пропагандистские задания против Родины, в остальном совесть его чиста. Мне верилось в правду этих слов, тем более что о своих деяниях против Родины рассказал он подробно.

Мы решили на следующий день снова прийти во «Флориду», и я согласился заехать за ним домой, чтобы заодно познакомиться с матерью и отчимом. Так я попал в дом этой семьи.

Здесь небольшое отступление. Одно из бедствий, принесенных войной,— это трагедия сотен и сотен тысяч советских людей, насильно угнанных в гитлеровскую Германию или попавших в плен и не сумевших вернуться на Родину. Причины к тому были разные. Малодушие одних, под угрозой оружия или в силу каких-то обстоятельств вынужденных в свое время работать на гитлеровцев, легковерие других, поддавшихся тонкой и лживой пропаганде, шантажу или провокациям, низкий уровень третьих, польстившихся на яркую мишуру Запада, и многое другое.

Прозрение пришло слишком поздно. Тем, кому во время войны было двадцать, теперь — пятьдесят. Сегодня эти сотни и сотни тысяч, разбросанных по свету, за редчайшим исключением тянут лямку, горько вздыхая о Родине. Они никого не винят, только самих себя, и нет у них другой жизни, кроме той, на которую оказались обреченными. Но вот уже и тридцать лет прошло, а забыть Родину не могут. Они создают библиотеки из современной советской литературы, выписывают из Москвы газеты и журналы, смотрят советские кинофильмы и телевизионные передачи. Этим людям активно помогает Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом, вплоть до выпуска для них газеты «Голос Родины», журнала и непериодических изданий.

И все-таки слишком много прошло времени, и оно не могло не наложить на них отпечатка того строя и общества, в котором они живут. Нет среди них ни чувства глубокого коллективизма, свойственного нашим людям, ни подлинной взаимовыручки и дружбы. Посмотрят, скажем, кинофильм в арендуемом ими небольшом помещении, повздыхают или даже посмеются, если фильм смешной, а потом грустно и молча разбредутся по своим углам.

Подлинный праздник для них — встречи с соотечественниками, приезжающими в тот мир. Но слишком редки такие праздники. И наши туристы и командированные заранее рассчитывают свое время чуть ли не по минутам, да и кому охота связываться за рубежом с людьми, неизвестно по каким причинам оказавшимися за пределами Родины.

Но сейчас речь не о них. Речь о той кучке, ничтожной и по количеству и существу своему, которая пошла на службу в различные антисоветские центры. Как ни парадоксально, даже они рады встретиться и поговорить с советским человеком. Объяснение тому простое и ясное. Эти продавшиеся действуют отнюдь не по идейным соображениям. Из числа подобных, с кем встречался на протяжении ряда лет, лишь однажды наткнулся на идейного врага, да и то доживающего свой век. Остальные из этой категории ведут свою бесчестную службу, по образному определению одного из эмигрантов, не по убеждению, а наподобие определенной категории женщин. Не от легкой жизни, а под ударами судьбы самые слабовольные из них, махнув на честь и совесть, идут торговать своим телом. Они достойны презрения и жалости. Так же и в среде эмигрантов. Лишь единицы, поправшие честь и совесть, пошли продавать свои души. И так же вызывают они не только презрение, но порой и жалость. Среди них встречаются и такие, как Владимир Трусов, у которого хватило духа порвать с запятнанным прошлым, отказаться работать на врагов Родины. Поэтому я порадовался, узнав, что ему без задержки дали визу на въезд к нам. К сожалению, повидаться в Пицунде не удалось. В тот день, когда я встретился с его матерью, он уехал в длительную морскую прогулку, а нам с Корольковым оставалось часа два до отъезда в Москву.

С Трусовым я через год снова встречался в Западной Германии, и он восторженно говорил о своей поездке в Советский Союз. Правда, немного обиделся. Хотя и раньше не верил в репрессии, которыми его пугали некие «друзья» во Франкфурте, когда виза уже была получена, но в том, что куда-то вызовут и допросят, не сомневался. Оказывается, никто даже внимания на него не обратил. Относительно поездок различных лиц из страны в страну у него свои твердые убеждения. Какую бы индифферентную мину ни делали чиновники любой страны, они точно знают, заранее проверят, кого впускают к себе и кого

С. Герасимов. МАТЬ ПАРТИЗАНА.

М. Самсонов. СЕСТРИЦА.

выпускают. Значит, всё знали и о его прошлой деятельности. Так неужели никому не интересны детали даже его нашумевшего скандала в Риме?

К пятидесятому году тридцатипятилетний Трусов не имел ни профессии, ни денег. А погулять любил. Мать в «Посеве» зарабатывала гроши. Зато многое знала о делах хозяев этого органа. Знала и об организации какой-то специальной школы в Лимбурге. Правда, ей не приходило в голову, что школа эта диверсионная и готовит людей для заброски в Россию. Возможно, знай она это, и не согласилась бы посылать туда сына. Она, конечно, понимала: школа особая, антисоветская, учатся там на всем готовом, да еще жалованье получают, живут по режиму, и все это очень хорошо. А то, кто знает, что будет дальше с сыном. Работы нет, денег нет, а выпивши приходит часто.

Владимир пошел в школу с большой охотой. Все интересно, романтично, таинственно. Вскоре ее перевели в Бад-Хомбург. Здесь учились люди самого разного возраста и в разное время попавшие за границу. Среди них был и Муштаков, после окончания школы назначенный преподавателем конспирации. Трусов любил этот предмет, и у него установились отличные отношения с Муштаковым. Еще ему нравились дисциплины, изучающие методы подделки печатей, бланков, различных документов. Охотно слушал лекции по структуре органов безопасности. А вот историю ВКП (б), историю СССР не любил. Получалось, что живут в России темные и тупые люди, ненавидящие свой строй и друг друга, ничего не умеющие делать. Как же тогда они выиграли войну? И почему до сих пор не гибнет этот строй, если он начал разваливаться уже с семнадцатого года, а во время войны вовсе ни на чем не держался? В это никак не верилось.

Трусов никому ничего не говорил о своих сомнениях. А все-таки, видимо, пронюхали, чем он дышит. После выпуска часть слушателей отправили в американскую диверсионную школу под Мюнхеном, где платили куда больше, а два дня в неделю вообще райскую жизнь устраивали — пей, гуляй, сколько хочешь. Других взяли на высокооплачиваемые должности в различные издательства, а Трусову поручили самое мелкое и неинтересное. Сначала распространял «Солдатскую правду» и листовки среди советских солдат, находившихся в Восточной Германии. Эту газету и листовки редактировал и больше половины заметок и обращений писал Муштаков. Правда, был и американский редактор, но он сам ничего не делал, только направление давал.

А как распространяли? В войска же не пустят. Смех один. Все-таки считалось, что разработана хорошая система распространения, которым занималось несколько групп.

В группе некоего Лахно, кроме Трусова, было три человека, и в их распоряжении имелась специально оборудованная грузовая автомашина. В типографии «Посева» во Франкфурте-на-Майне ее загружали листовками и «Солдатской правдой», тоже считавшейся листовкой, на складе им выдавали ненадутые резиновые шары, изготовленные в Ахене, и они отправлялись в поездку, рассчитанную на десять дней. Прежде всего заезжали в городки Швайнфурт или Фулда, где брали несколько баллонов водорода и следовали на зональную границу.

В трех-четырех километрах от границы выбирали в лесопарке подходящее местечко, укрытое от посторонних глаз. Работу начинали ночью. В распоряжении группы было два типа шаров: диаметром тридцать девять сантиметров и сто семьдесят пять сантиметров. Первые могли поднять триста тридцать граммов, вторые — два с половиной килограмма. Соответственно отвешивали и стягивали специальными шнурами пачки листовок. Затем по одному надували шары, привязывали к ним пачки так, что оставался болтаться конец шнура.

Рассказывал это Трусов, смеясь. Дождавшись погоды — а бывало, по нескольку дней ждали — Лахно определял направление и скорость ветра и в зависимости от этого — длину болтавшегося шнура. Поджигал его и выпускал шар. Шнур тлел, и считалось, что огонек достигнет узла, скрепляющего пачку, как раз когда она будет над расположением воинской части, и листовки разлетятся. А потом потеха — то ветер вдруг не в ту сторону подует, то фитилек разболтается, коснется шара и он раньше времени лопается, то унесется куда-то далеко в небо.

За ночь успевали выпустить сорок маленьких или семь больших шаров. Ну первый раз интересно было. Даже во второй и третий раз охотно в эти игрушки играл, вспоминалось, как в детстве воздушного змея запускали, а потом до тошноты надоело. И писать отчеты надоело. Ведь по тому, сколько листовок заброшено в советские войска, и деньги платили. Расположение воинских частей было размечено по номерам. Вот и писали — такому-то номеру столько-то штук сбросили, такому-то — столько, как бог на душу положит. Часто бывали конфузы. Числится по отчетам, будто весь тираж над противником сброшен, а находят вдруг целые пачки чуть ли не во Франкфурте.

Занимался этим делом Трусов недолго. Назначили диктором на радиостанцию, и тоже ненадолго. Поручили дело, где нужны смелость и выдержка. Не зря же его учили в Бад-Хомбургской школе методам слежки, шантажа, конспирации.

Почему на задание послали в Италию, он не знал. Командировка обрадовала. Красивая страна, приличная гостиница, денег не то чтобы сколько хочешь, но вполне достаточно. На второй день после приезда в Рим какой-то человек поинтересовался, не из Саратова ли он приехал. Трусов ответил: «В Саратове живет мой брат».

Этот пароль дал ему Околович. Один из главарей энтеэсов — старый эмигрант, работавший то поочередно, то одновременно на английскую, западногерманскую и американскую разведки. Под любую антисоветскую акцию умудрялся получать от своих хозяев крупные суммы, выдавая ее за одну из многочисленных, еще готовящихся, которые составляют стройную систему подрывной деятельности, требующей крупных расходов.

Вместе с новым знакомым, в распоряжение которого он поступил, Трусов готовился четыре дня. И вот настала минута.

Он вошел под навес у кафе, где на открытом воздухе было около десяти столиков. Еще издали увидел нужного человека. Этого советского инженера, приехавшего в командировку, успел достаточно изучить за дни подготовки. Знал, что он постоянно обедает именно в этом кафе в одно и то же время.

Весьма учтиво спросил, можно ли сесть рядом. «Пожалуйста»,— ответил инженер, бросив взгляд в сторону, словно удивляясь, почему он хочет за этот маленький столик, когда вокруг так много свободных мест. Стол находился у стены, а вокруг него — три стула, на одном из которых, близко придвинутом к обедавшему, лежал портфель. Трусов сел напротив и, дотянувшись до стула с портфелем, положил туда и свою тонкую кожаную папку.

Инженер ел, просматривая газету; Трусов дважды пытался завести разговор, задавая какие-то вопросы, но ответы получал односложные, и беседы не получилось. Закончив с обедом, инженер рассчитался. Высвобождая портфель, приподнял папку.

— Извините,— мгновенно наклонился за ней Трусов, и тот протянул ему папку. С двух сторон щелкнули фотоаппараты. Трусов, едва прикоснувшись к ней, отдернул руку, с улыбкой и спокойно сказал:

— Это не моя.

— Как же? — удивился инженер.— Вы ведь только сейчас ее положили.

Трусов ответил резко и громко. На их столик обернулись соседи. Кто-то поддержал инженера. Тут же вмешался слишком эмоциональный итальянец и стал что-то доказывать, сильно жестикулируя.

Возможно, случайно на тротуаре у самого входа оказались два полицейских. Едва ли мог заинтересовать их мелкий спор. Весь Рим с утра до вечера спорит. Но тут случай особый. Один резко и категорически, второй спокойно и настойчиво отказываются от папки, приписывая ее принадлежность друг другу. Услужливый фотограф положил перед полицейскими еще влажный цветной снимок: оба спорщика улыбаются, оба держат папку, и трудно понять, кто кому ее передает. Полицейским ничего не оставалось, как проверить ее содержимое. В ней оказалась калька с подробным планом одного из крупнейших итальянских портов. Под итальянским текстом условных обозначений — перевод на русский. В уголке справа надпись «секретно» и фамилия инженера.

Более чем наивные для действия разведчика переводы на русский и эта демонстративная надпись выдавали грубую фальшивку. Но устанавливать истину — дело не полицейских. У них достаточно оснований, чтобы забрать в участок обоих. Так они и поступили под шум собравшихся любопытных и крики о русском шпионе. На следующий день три газеты под сенсационными заголовками дали сообщение о задержании советского разведчика.

Трусов был спокоен. Кальку он снял с карты, купленной в магазине учебных пособий. Перевод на русский сделан не его рукой. Однако то, что ни военной, ни государственной тайны калька не представляла, выяснилось лишь через два дня. И хотя советского инженера сразу же выпустили под расписку, за эти два дня еще четыре газеты успели дать крикливые заметки о скандальной истории.

Трусова тоже выпустили. Кто делал перевод на русский да и весь инцидент никого больше не интересовал, коль нет в нем состава преступления. Газеты свободны, что хотят, то и печатают, а если кто-то кого-то обидел или оскорбил, можно подать в суд, в том числе и на газеты, которые отказались напечатать сообщения, чем все кончилось.

После этого случая Трусову поручили более серьезное дело, связанное с диверсией и возможным применением оружия. Естественно, и заработок предстоял неизмеримо больший. Он решительно отказался. Так начался разлад с энтеэсами и их хозяевами, кончившийся полным разрывом, ибо, обозлившись, он не желал больше браться и за менее рискованные дела. А круг знакомых остался старый, все та же эмигрантская среда.

Теперь он работает в бюро по сдаче квартир. Огромное количество франкфуртцев не имеют жилплощади. Одновременно много квартир пустует, в любых районах города стоят незаселенными корпуса, недавно построенные, современные. В Западной Германии насчитывается две сотни тысяч пустующих квартир и пятьсот тысяч бездомных. Пять миллионов живут в квартирах, признанных аварийными. А переехать в хорошие трудно: слишком высока квартирная плата. Вот и возникла сеть посреднических контор и бюро по сдаче жилой площади. За каждую сданную квартиру они получают от владельца комиссионные в сумме ее месячной арендной платы.

В таком бюро и работает Трусов. Заработок не ахти какой, а главное, не стабильный — зависит от множества обстоятельств, порой просто от случайной удачи. Пока ничего лучшего нет. Впрочем, его работа имеет много положительных сторон. Не надо ходить на службу к определенному часу и сидеть там целый день. После удачной сделки вообще может не появляться хоть неделю. Это дает возможность подрабатывать у Раскова и вообще распоряжаться своим временем. Потому охотно может уделить время мне. Не так уж часто выпадает случай оказать услугу советскому человеку.

Я заехал к Трусову, как условились. По многим деталям понял — гостя ждали. Маленькая двухкомнатная квартира, обставленная более чем скромно. В углу — икона, лампадка. Встретили приветливо, особенно глава семьи, высокий, жилистый и энергичный горбоносый старик. Говорит резко, уверенно, сильно жестикулируя, почти не сгибая локтей. Может быть, потому руки казались особенно длинными. Взмахами резал воздух, точно подводя черту. А начал так:

— Не знаю, как у вас, а мы уж по старому русскому обычаю гостя встречаем,— и достал из шкафа бутылку водки. Еще не поставив на стол, пристально, испытующе посмотрел на меня, как отреагирую.

— Боже мой! — всплеснула руками графиня, страдальчески сморщившись.— Стол же еще не накрыт, а ты, как в трактире... Сразу водку.

— Так накрывай, коль не накрыт,— оборвал он грубо.— Где там твои салфетки-амулетки,— и со стуком поставил в центр стола бутылку.

Окончание следует.

Жители деревни нового Мозамбика.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Г. КУЗНЕЦОВ

Фото А. ГРОМОВА

Рассказывают, что вскоре после того, как между представителями Фронта освобождения Мозамбика и правительства Португалии было подписано соглашение о прекращении военных действий и предоставлении Мозамбику 25 июня 1975 года независимости, работники одной лондонской газеты провели необычный опрос на лондонских улицах. Случайных прохожих спрашивали: «Лоренсу-Маркиш. Кто это или что это?» Добрая половина отвечавших вообще ничего не слышала о Лоренсу-Маркише. Из тех же, что слышали, большинство ответило: «Кто-то». И лишь единицы сказали: «Это город»,— но и то «где-то там». Подобная неосведомленность развеселила газетчиков. А между тем были правы и говорившие «кто-то» и утверждавшие «это город».

Лоренсу-Маркиш был удачливым португальским купцом, который около 160 лет назад, случайно попав в живописный залив Индийского океана на юге Африки, начал там выгодно скупать слоновую кость. Намного позже его соотечественники основали на этом месте деревню Лоренсу-Маркиш. Она разрослась и в 1887 году получила статус города.

Сейчас Лоренсу-Маркиш — столица Мозамбика, современный административный и торговый центр, большой порт, обслуживающий обширный регион. Он по справедливости считается одним из красивейших городов Юго-Восточной Африки. Впрочем, сказанное относится только к «цементному городу», то есть той части, которая, будучи украшенной живописными набережными со стройными кокосовыми пальмами, примыкает к океанскому заливу и порту. Утопающие в зелени бугенвиллей здания «цементного города» — гармоничный ансамбль, даже несмотря на то, что ни одно из них по своему архитектурному стилю не похоже на соседнее. Эту часть города европейское население Лоренсу-Маркиша возводило в последние 40—50 лет для себя. Разумеется, за счет жестокой эксплуатации коренных жителей. Любой белый получал в 10 — 20 и даже в 30 раз больше африканца. Соответственно эти последние жили в своем городе — «канисио», состоящем из хижин, которые сооружены из тростника, или домиков, сколоченных из кусков железа и разных строительных отходов. И в этом африканском Лоренсу-Маркише проживает в три раза больше народа, чем в белом! И так же, как коренное население эксплуатировалось колонизаторами, весь Мозамбик служил источником накопления богатств для британского и португальского империализма, «на паях» высасывавшего из страны все жизненные соки.

«Мы унаследовали колониальную экономическую структуру, в рамках которой производительные факторы были поставлены не на службу нашей стране и нашему народу, а иностранным господам.

Столица Мозамбика — Лоренсу-Маркиш.

Солдаты ФРЕЛИМО охраняют вход в редакцию газеты «Нотисиаш» от возможных диверсий банд расистов-реакционеров.

В сегодняшнем Мозамбике можно свободно купить книги классиков марксизма-ленинизма и плакаты с портретами Маркса и Ленина.

Продавцы изделий народных умельцев.

Мы должны изменить это положение, заложив основы будущей независимой экономики, которая отвечала бы интересам трудящихся масс»,— говорится в одном из недавно вышедших документов Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО). Именно в этом направлении работает сейчас переходное правительство, деятельное участие во всех начинаниях которого принимают и министры, назначенные демократической Португалией. Колониальная, антинародная война, продолжавшаяся 10 лет, и сотни лет безудержного грабежа сделали свое дело: экономика страны находится в очень тяжелом положении. Задача — ее выправить. И начинать новое правительство планирует с подъема сельского хозяйства, которое является основой экономики. Достаточно сказать, что в нем занято свыше 80 процентов населения. И важно отметить, что пути интенсификации сельскохозяйственного производства, расширение обрабатываемых площадей и повышение урожайности новые руководители Мозамбика видят в создании кооперативных или государственных хозяйств.

Но у переходного правительства есть еще одна не менее, если не более важная задача. Ее определил председатель ФРЕЛИМО Самора Машел в своем обращении к народу Мозамбика.

— Под руководством ФРЕЛИМО переходное правительство должно решить основополагающую задачу по созданию условий для обеспечения народно-демократической власти на всей территории страны,— заявил он.— Власть принадлежит народу. Она была завоевана народом, она должна осуществляться и защищаться народом. Что касается государства и его органов, то первоочередная задача состоит в том, чтобы, во-первых, провести деколонизацию, а во-вторых, создать новую структуру народно-демократической власти... С завоеванием политической власти народом закладывается фундамент для решения всех проблем трудящихся масс в интересах народа.

Встречаясь и беседуя с различными людьми — с бизнесменами и рабочими, с крестьянами и представителями интеллигенции, как белыми, так и темнокожими гражданами Мозамбика, как в столице так и в деревне,— мы пришли к твердому мнению: подавляющее большинство населения поддерживает ФРЕЛИМО.

Конечно, было бы наивно думать, что те, кому раньше принадлежала не только экономическая, но и политическая власть, легко смирятся с ее потерей. Их агентура работает, мутит воду, пытается организовать колониалистские вылазки против нового режима.

Это понимают руководители ФРЕЛИМО, переходное правительство, народ. И поэтому самый живой отклик в сердцах людей находят три ключевых слова, составляющих единый лозунг Фронта освобождения Мозамбика: единство, труд, бдительность.

Лоренсу-Маркиш — Москва.

ЛОРЕНСУ-МАРКИША

К 500-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

МИКЕЛАНДЖЕЛО

В. МИХАНОВСКИЙ

6 марта 1975 года все человечество отмечает 500-летие со дня рождения Микеланджело Буонарроти — итальянского скульптора, живописца, архитектора и поэта эпохи Возрождения. Поэт Владимир Михановский несколько лет работал над поэмой о Микеланджело. Отрывок из нее, посвященный Сикстинской капелле, предлагается читателям «Огонька».

Той бессонною вещею ночью,
В дымке будущих долгих веков
Предо мною возникли воочью:
Рим. Пожарище. Площадь цветов.
Тени рыхлые дрогнули пьяно,
Боль волною ударила в грудь:
В дымных отблесках брат мой Джордано,
Ты ль в костре завершаешь свой путь?
Тот, кто истину людям добудет,
Платит дорого, платит сполна.
...Это было, увы, это будет:
Нам другая судьба не дана.
Как и ты, я уступок не чаю,
Все, что думаю, то говорю,
Сам себя на костре я сжигаю,
Купиною библейской горю.
Мой костер — те сомненья и муки,
Что сжигают вернее огня.
Пусть бы только не дрогнули руки
Да резец не сломался, звеня.
Может быть, и неправ ты, Джордано,
Может, мир наш вовеки един.
Но судьба твоя — жгучая рана,
Счастья пасынок, вечности сын!
Ночь прозрений свой свиток свернула.
Ожил грязный рыбацкий причал.
Городского рабочего гула
Я растущий раскат услыхал.
...А заутра — опять за работу,
Все, что есть за душой,— на весы!
Снова дни и недели без счету,
Снова каторги сладкой часы.
Разминая скрипучие кости,
Деревянный стонал пьедестал.
Я дневал-ночевал на помосте,
Пока двигалась кисть, рисовал.
Позабывши пустые интриги,
Я работал и в стужу и в зной.
Данте с Библией — вот мои книги,
Что лежали всегда под рукой.
Что еще-то? Да кисти и краски,
Деревянный утюг для стены,
Ком пахучей, вязкой замазки
Да объятья глухой тишины.
Боль в глазах, да ломота в затылке,
Да известки молочной ведро,
Хлеб насущный да кьянти бутылка —
Вот и все мое было добро.
В этом споре искусства с натурой
Годы шли, как химеры во сне,
Каждый день непокорной фигурой
Возрождаясь на белой стене.
Нетерпением папа клокочет,
Быть в капелле желает старик.
Лицезреть мою роспись он хочет,
Ждать наместник Христа не привык.
Только я не люблю, чтоб мешали,—
Будь то папа иль сам пусть господь.
Отказать? Очутиться в опале?
Или чувства свои побороть?
Папа, видно, кусает свой локоть,
Рвется старец под балки стропил.
— Пусть никто не мешает работать! —
Груму папскому я заявил.
Как-то утром рисую и вижу:
Дверь внизу приоткрылась слегка.
Кто-то движется ближе и ближе...
Посох черный сжимает рука.
Это что еще будет за диво?
Вид разбойничий, взгляд воровской.
Он крадется, глядит торопливо
И лицо прикрывает полой.
Что он ищет в безмолвной капелле —
Мой убийца, завистник иль друг?
Кто-то из живописной артели?
Папский стражник? Иль кто-то из слуг?
Каковы его тайные цели?
Вроде этот старик мне знаком.
Тут я кисть уронил: неужели
Это папа, проникший тайком?!
Точно, он! Затаил я дыханье.
Озирается гость дорогой.
Пусть-ка я схлопочу наказанье,
Но заставлю считаться с собой!
Папа в чьем-то залатанном платье
Шел вдоль стен, выбирая, где стать.
Стал подручные доски хватать я
И в незваного гостя швырять...
Тут старик, перепуган, опешил,
Из капеллы, как пуля — насквозь!
Думал я: буду завтра повешен.
Но мое озорство обошлось.
Видел пап я побольше десятка,
И любой верховодить желал,
Донимал меня, как лихорадка,
И опекой своей допекал.
Труд последний мне дорого стоил.
Как-то раз, любопытством палим,
Новый папа меня удостоил
Посещеньем высоким своим.
Грум владыке скамейку придвинул.
Папа сел, прислонился к стене,
Взглядом свежую фреску окинул
И затем обратился ко мне.
Словно отзвук весенней капели,
Голос папы обманчиво тих:
— Непристойно увидеть в капелле
Обнаженных, хотя и святых.
Вспыхнул я:
— Понапрасну тревожишь!
Нагота — красота, а не срам.
Сделай мир ты пристойным, коль можешь,
А с картинами справлюсь я сам.
...Из Сикстины походкой неверной
Как-то шел я, устал и продрог.
— Это кто? Сумасшедший, наверно! —
Долетел до меня шепоток.
В эту ночь средь бездомных и смелых
Я блуждал без руля и ветрил,
Постоял у ворот поседелых,
Где Нерон свою мать схоронил.
Виноградники смутно чернели,
Гроздья зрелые щедро суля,
Птицы поздние дерзко шумели,
И за Тибр уходили поля.
Вдоль речных напряженных излучин
Скоро варвары хлынут на Рим...
Я бродил, лихорадкой измучен
И предчувствием темным томим.
...Над плафоном Сикстинской капеллы
Между тем завершал я свой труд:
Люди плакали, ссорились, пели,
Люди жили — как люди живут.
Это я подарил им движенье,
Это кисть моя жизнь им дала.
Только силою воображенья
Предо мною свершались дела.
Бросив кисть, я стоял в изумленье
И смотрел на работу свою:
Неужели же, Воображенье,
Ты по силе равно Бытию?!
Так трудился я, замыслов пленник,
Красок знойных волшебник и мот.
Вновь пожаловал первосвященник —
Посмотреть, как работа идет.
Папа ныне остался доволен.
Повторял:
— Чудеса! Чудеса!
Ты в сюжетах, я думаю, волен...
Разбери-ка, пожалуй, леса!
Пусть работой любуются люди.
— Нет, отец мой, оставим леса.
Есть изъяны, по-моему, в чуде —
Доработаю я чудеса.
И фигуры в испуганных позах
Отшатнулись в сиянии дня:
Вспыхнул папа и яростный посох
Раз и два опустил на меня...
Мимо бедных окраинных хижин,
Где навек поселилась нужда,
Я, избит, обесчещен, унижен,
Брел, не знаю зачем и куда.
Тошно на сердце, скорбно и больно.
Кисть заброшу, за мрамор примусь.
Унижений от папы довольно.
Во Флоренцию я уберусь.
Поскорее, пока я не пленник!
...Стук в филенку, разбоен и лих:
Извиняется первосвященник,
Присылает пятьсот золотых...
Папа желчный опалой грозится,
Слуги папские дверь стерегут,
Жизнь моя, престарелая птица!
Ты ведь знаешь — пред смертью не лгут.
Вижу в истине крест свой и дыбу,
Жизнь встречаю с открытым лицом.
Сам я выбрал судьбу, словно глыбу,
Сам ее иссекаю резцом...

Ю. ФЕОФАНОВ

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

ХАЛАТНОСТЬ

Чего только не бывает на стройках! Был даже такой наряд на производство работы:

1. Вытесать два бруска длиной 2 000 мм и один — 1 000 мм — 5 руб. 20 к.
2. Выкопать две ямы и укрепить вертикально бруски — по 2 000 мм — 4 руб. 85 к.
3. Прибить брусок в 1 000 мм к торцам вкопанных брусков — 0 руб. 68 к.
4. Отрезать 1 500 мм веревки и сделать из нее петли — 1 руб. 36 к.
5. Укрепить петлю на поперечном бруске — 0 руб. 40 к.
6. Повесить прораба Сидорова А. М. — 8 руб. 96 к.

Итого — 21 руб. 45 к.

Косым росчерком на наряде была наложена резолюция: «Бух. К оплате. Прораб Сидоров».

Между прочим, не анекдот. Такой наряд действительно существовал. Его разыскали сотрудники института Прокуратуры СССР, который занимается изучением причин преступности и способов ее предупреждения. Разыскали на одной из строек в груде нарядов, которые, не глядя, подписывал прораб.

— А не продешевили? — спросили прораба Сидорова.— За собственную персону не мала ли плата?

— А-а-а! — Прораб, по-видимому, не обладал ни чувством ответственности, ни чувством юмора. Он махнул рукой.— Смету не превысил? Фонд зарплаты не перерасходовал? Ну, значит, все в порядке.

— Но самому-то себе... через повешение...

— Как-нибудь выкручусь. У нас, кстати, веревки гнилые...

Интервью — это уже, возможно, и игра воображения: так рассказывали. Наряд же — историческая достоверность: сам в руках держал. Да, собственно, интервью тоже соответствует тому, что делается на иных стройках. И вспомнил я тот наряд в зале Свердловского районного народного суда Москвы, где под председательством Р. Г. Соломонова слушалось дело о халатности в одном из многочисленных наших СУ (строительных управлений).

Сначала мне бы хотелось процитировать статью 172 УК РСФСР которая так и озаглавлена — «Халатность». Это важно, чтобы были понятны некоторые — как бы это сказать?— тонкости, что ли, уголовного дела.

Итак, халатность — это «невыполнение или **ненадлежащее** (подчеркнуто мной.— **Ю. Ф.**) выполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, причинившее существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан». Статья 172 предусматривает до трех лет лишения свободы.

Теперь, если вы внимательно прочли текст статьи, давайте перейдем к «тонкостям». Обычно подсудимые довольно ясно отдают себе отчет в том, за что их судят. А вот тут традиция казалась нарушенной. Когда начальника СУ Б. Михеева спросили, признает ли он себя виновным, он искренне развел руками:

— Нет, конечно.

В публике прокомментировали:

— Он же с этого ничего не имел! Ни рубля в карман не положил!

Старший прораб А. Крулов, второй подсудимый тоже сделал большие глаза:

— Действовал бескорыстно, исключительно болея за интересы производства.

Председательствующий пояснил:

— Вас никто не обвиняет в воровстве. Вы обвиняетесь в том, что ненадлежащим образом выполняли свои служебные обязанности. Понятно?

— Да, да, понятно, понятно,— говорили подсудимые, но говорили так, что создавалось впечатление: «Понятно, что ни за что судят». И завсегдатаи судебных процессов, по ошибке заходившие в наш зал, быстренько покидали «неинтересное дело». Наиболее стойкие, оставшиеся в зале, комментировали:

— Мало ли что на стройках бывает! У нас вон половину кирпича побили, когда сгружали, в тюрьму теперь, что ли?

Были, были недоуменные реплики и в зале, и на скамье подсудимых, и среди свидетелей. Поэтому я и процитировал полностью 172-ю статью. И подчеркнул слово «ненадлежащее». То есть плохое, халтурное, безответственное выполнение служебных обязанностей даже при абсолютном бескорыстии должностных лиц тоже может стать преступным. И не в фигуральном, не в моральном смысле, а в смысле правовом, в плане **уголовном.**

Написал я это, и как-то самому стало неловко. Вот они на скамье подсудимых — упомянутые Михеев, Крулов и еще прораб Михельсон. Горели на работе, мыкались по трестам и главкам, ругались с нерадивыми подчиненными, заискивали перед всемогущими снабженцами. Все было, как на десятках и сотнях строек. Но где-то пролегла межа, отделяющая служебное упущение от служебного преступления. Где она пролегает, эта межа? Суду и предстояло все выяснить, очертить, разложить по полочкам.

Если преамбулу обвинительного заключения изложить чуть вольно, то все выглядело примерно так. В один, как принято говорить, прекрасный день по многочисленным объектам СУ прошелестел слух: «К нам едет ревизор!» Ах, как соблазнительно воспользоваться гениальным сюжетом! Как бы эффектно было сказать, что Борис Васильевич Михеев созвал своих подчиненных, выложил им пренеприятное известие, а потом описать, пользуясь современным материалом, старые методы обольщения грозного ревизора. Но нет, мы должны придерживаться строго документальной основы нашего правдивого повествования. Обольщения ревизоров не было. И поэтому не было забавных сцен в духе бессмертной комедии. Перед прокурором лежал длинный и скучный акт ревизии. И в нем был зафиксирован пренеприятный факт — перерасход фонда заработной платы в сумме 115 400 рублей и перерасход стройматериалов на сумму 55 тысяч рублей. Это и послужило основанием для возбуждения уголовного дела.

Самое теперь время вспомнить прораба Сидорова, санкционировавшего... собственный смертный приговор. Со стороны рабочих, разыгравших своего командира производства, то была не более чем шутка. Но со стороны прораба было серьезное нарушение государственной дисциплины, была преступная халатность. Он ведь подписал к оплате наряд на никогда (к счастью!) не производившиеся работы. Он при этом списал какое-то количество материалов, которые на дело не пошли. Он вовсе не хотел обворовать государство, бедняга Сидоров. Если бы хотел красть — выдумал бы что-нибудь более подходящее, чем собственный смертный приговор. Нет, Сидоров был честным, но безответственным.

В строительном управлении, о котором идет речь, следствие никаких анекдотичных документов не обнаружило. Но те, которые были представлены суду, свидетельствовали о вопиющей, как говорят, бесхозяйственности.

— Что вы можете сказать по этому поводу? — спросили начальника СУ после того, как попытались выяснить, насколько он отдает себе отчет в предъявленном обвинении и признает ли себя виновным.

— Ну, во-первых, — начал Борис Васильевич, — когда я пришел в СУ, то план вообще не выполнялся. Из двадцати объектов, которые надо было уже сдать, сдали только два. А я наладил производство. План был на 4 392 тысячи, а мы дали на 4 423 тысячи рублей. Во-вторых, я вел работы сразу на полсотне объектов в шести районах нашего огромного города. Это надо учесть...

— Ваши заслуги никто не ставит под сомнение. Ну, а с нарядами-то как?

— С нарядами? Наряды, конечно, выписывали ненадлежащим образом. Но это не махинация, работы ведь производились, только не те, что в наряды записаны. Это производственная необходимость!

— То есть вы хотите сказать, что нарушения финансовой дисциплины неизбежны?

— Какая разница, как что оформлено?

— То, что вы называете, «неправильно оформлено», не есть ли бесхозяйственность, приводящая к серьезным потерям и убыткам?

— Не корысти же ради... а, наоборот, на пользу дела.

Протоколы допросов,— чтение далеко не занимательное. Сплошные бухгалтерские выкладки, технологические подробности, строительные термины. Кстати, первый раз я присутствовал на разборе этого дела еще в декабре позапрошлого года. Тогда начали дело и отложили: подсудимые не согласились с заключением ревизии, поставили перед экспертами ряд вопросов. Потом начался суд в марте прошлого года. Опять не все до конца было выяснено. Наконец, в мае все документы были получены, на все вопросы подготовлены ответы, улики преступления собраны в 19 томов уголовного дела да еще в несколько папок приложения к томам.

Все эти документы уличали подсудимых в бесхозяйственности и халатности. Они же свидетельствовали о том, сколь ответственно, квалифицированно и обстоятельно подошел суд к каждому пункту обвинения. С председательствующим Русланом Георгиевичем Соломоновым мне пришлось встречаться не однажды. Каждый раз он пожимал плечами: снова приходится откладывать дело. «Вот посмотрите, в акте ревизии сказано... а подсудимые утверждают...». «Эксперты, правда, дали заключение, что... но вопрос о... так и не выяснен».

И так до конца процесса. Только начнется заседание, как подсудимый или его адвокат заявляет:

— Пусть эксперты укажут, какую конкретно работу на объекте по

улице Готвальда мы не выполняли в октябре 1970 года.

— Пожалуйста, — поднимается эксперт, — в наряде значится кладка стен, а к этому времени коробка уже была сделана.

— Как вы это объясните, подсудимый? — спрашивает судья.

— Очень просто. Забор надо было перенести. А сметой не предусмотрено. Как тут быть? Платить как, скажите вы мне?

— Суду вопросов не задают.

— Извините, а экспертам можно? Пусть эксперты ответят, как платить.

Поднимается эксперт, и... снова и снова листаются тома дела, оглашаются наряды, приказы, акты. И снова пространные, но однотипные ответы.

— Никто, Михеев, не отрицает, что вы старались, — замечает государственный обвинитель. — Вы нарисовали ваши трудности — и это никто не отрицает. Но стройматериалы гибли, деньги транжирились, премии начислялись неправильно. Вот пункты обвинения.

— Все дело в объективных условиях.

Суд отнюдь не проходит мимо объективных факторов. Но не может он закрыть глаза и на факторы субъективные — на халатное, безответственное отношение к делу. Суд приобщил к делу протокол общего собрания рабочих и служащих СУ. Там в адрес Михеева много фраз такого типа: «не считаясь со временем, старался выполнить план», «пользуется авторитетом», «совершал не по злому умыслу». А вывод: начальник СУ ни в чем вроде и не виноват.

Протокол как протокол. И фразы как фразы — дежурными их называют. Привыкли к ним и те, кто их пишет, и те, кто читает. Но ведь бумажка эта, пусть и освященная единогласным принятием ее на общем собрании, обходит правду, бежит от нее, прячется от правды.

Говорить такие слова в адрес официального протокола — дело нешуточное. Но не могли же не знать выступавшие о том, что делалось в их управлении, на их объектах. Ибо то, что делалось, фиксировалось в многочисленных приказах. Вот один из них:

«СУ допустило перерасход фонда зарплаты на 99 тысяч рублей. Это результат плохой организации производства, слабого использования механизмов, слабого контроля... Начальник СУ — Михеев».

Подобного рода приказов, актов, распоряжений, указаний в деле много. В тайне от коллектива их не держали. Эти документы вроде бы свидетельствуют в пользу подсудимого Михеева — не закрывал глаза, принимал меры. Но, увы, все это не принятие мер, а разговоры о мерах. Это-то и образует состав преступления — ненадлежащее, то есть, повторяю, безответственное выполнение должностных обязанностей, точно зафиксированных в Уставе стройуправления.

Приказы были. Нынешним подсудимым — Крулову и Михельсону — неоднократно указывалось, что на их участках гибнут стройматериалы, платятся деньги не за те работы, которые означены в нарядах, что труд людей надлежащим образом не организован, что плоха дисциплина и т. д. и т. п. Строго указывалось. А материалы продолжали гибнуть, деньги — транжириться. От этих фактов никуда не денешься. Бухгалтерия точно подсчитала ущерб, нанесенный халатным отношением к делу.

Но... Как-то не давало покоя это самое «но». Уже после суда я перелистал тома дела, встречался со строителями, попытался вникнуть все же в суть так называемых объективных условий.

Ну, а как все-таки быть, если надо переставить забор, а работа эта сметой не предусмотрена? Да разве только забор!

В своих показаниях подсудимые говорили:

— Нельзя отрываться от реальных условий.— И поясняли: — Прокладка коммуникаций, например, того же кабеля,— это сплошь ручная работа, а сметой ручных работ не предусмотрено. Или прокладка временных электросетей. Или устройство тротуаров. Да просто-напросто двор подмести — тоже платить ведь надо. А из чего? Вот и выписывали будто за кладку стен или еще за что...

«Объективные трудности» — испытанный аргумент безруких хозяйственников. Однако на стройках их полно, и не «так называемых», а вполне реальных.

Словом, слушал я показания подсудимых и грустно размышлял. С одной стороны, улики преступления, именуемого халатностью, неопровержимы. С другой стороны, объяснения подсудимых тоже весьма убедительны...

А к этому времени закончились и судебное следствие и прения сторон и подсудимые сказали свои последние слова. И вот зал поднялся, чтобы выслушать приговор. Каков он будет? Признает ли суд начальника СУ и двух прорабов виновными или, «войдя в положение», оправдает их?

Есть такое обывательское выражение: «подвели под статью». Тут некий намек: хоть подсудимый и виноват в чем-то, но все же не очень. И вот судьи «подводят» его под статью или статью — под него. Но статьи закона не игрушки. Не прокурор, не судьи «подвели под закон» людей, халатно относившихся к своей службе, к государственным средствам. Безответственные должностные лица сами «подвели себя под закон». Суду оставалось лишь взвесить все улики и воздать каждому за содеянное.

И суд, как я уже указывал, со всем вниманием и тщанием подошел к обвинению. Многие суммы ущерба были пересчитаны, некоторые позиции обвинения пересмотрены. Прораб Михельсон, хотя и он вел свое хозяйство не лучшим образом, был оправдан: сумма нанесенного им ущерба не образовывала состава преступления. Начальника же СУ и старшего прораба суд признал виновными в преступной халатности. Им назначено наказание, не связанное с лишением свободы: год исправительных работ по месту службы с вычетом 10% зарплаты.

Приговор ныне вступил в законную силу. С одной стороны, все ясно. А с другой стороны? Как быть с объяснениями подсудимых насчет реальных условий работы? Можно ли их начисто зачеркнуть приговором? Не образовался ли все же порочный круг: и обвинения правильны и оправдания убедительны?

Мне кажется, образовался. Потому что если двор подметать надо, а денег на это не отпущено, то все равно надо как-то подмести двор, ибо в противном случае не примут дом, а если не примут дом, то не будет премии, а если не будет премии, рабочие уйдут в соседнее СУ — порочные колечки сплетаются в замысловатую цепь спасительных для бесхозяйственности тупиков: с одной стороны, так, а с другой — этак.

Очевидно, дело в «третьей стороне». И на это точно указал в своей речи на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа столицы Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. «В каждой отрасли народного хозяйства,— говорил Леонид Ильич,— действуют тысячи разных предписаний и инструкций. Попробуй в них разобраться! Тем более, что многие из этих инструкций устарели, содержат неоправданные ограничения, мелочное регламентирование. Это стесняет инициативу, противоречит новым требованиям, которые ныне предъявляются к экономике».

Тезис этот имеет и большое хозяйственно-правовое значение и огромный нравственный смысл. Ведь несоответствие правового и реального создает не только трудности для инициативных людей, но также идеальные условия и для безруких руководителей, бог весть как вставших у кормила; и для безответственных болтунов, прикрывающих некомпетентность свою громкими словами об интересах дела, да и для примитивных хапуг, обращающих «объективные трудности» на потребу субъективного кармана. Всегда же легко оправдаться: а как мне двор подметать? Забор переставить? Траншею копать? Только по фиктивным нарядам! Ну, а где фикция становится реальностью, там реальность превращается в фикцию.

И по всему по этому закон должен действовать неумолимо. И приговор Свердловского народного суда — это приговор, вступивший в законную силу.

Вместе с тем процесс этот — лишнее свидетельство того, сколь важно совершенствовать хозяйственное законодательство. Ведь только четкие, недвусмысленные и непротиворечивые правовые нормы способны выбить из рук аргументы, которыми иные пытаются прикрыть нарушение финансовой и государственной дисциплины, нарушение закона.

ДОМАШНИЙ МУЗЕЙ

на четвертой странице обложки

Двадцать лет назад Борис Владимирович Скраливецкий, когда служил в Военно-морском флоте, увлекся подводным плаванием.

— Этот случай произошел на Черном море,— рассказывает Борис Владимирович.— Как-то я нырнул и страшно испугался. На меня надвигалось чудовище с выпученными глазами. Затем я почувствовал укол в руку. Но я не растерялся, схватил животное и вытащил его на берег. Передо мной был морской дракон. Он стал первым экспонатом моей коллекции.

Сейчас Б. В. Скраливецкий живет в Ленинграде, преподает морское право и географию в мореходном училище рыбной промышленности. Летом уходит в море с курсантами — руководит практикой.

Квартира Бориса Владимировича представляет собой буквально музей. Здесь собраны со всех морей и океанов свыше 2 тысяч экспонатов — чучела разнообразных акул, китенка, гигантского угря, летучих рыб, меч-рыбы, луны-рыбы. Среди экспонатов — двухметровый нос пилы-рыбы, морской черт, множество раковин и кораллов.

Экспонаты музея Б. В. Скраливецкого часто демонстрируются на различных выставках, в школах, учебных заведениях.

Собирать коллекцию Борису Владимировичу помогали матрос И. Ф. Вдовенко, технолог научно-исследовательского судна Р. Я. Кебина, капитаны А. В. Богоявленский, В. В. Лупышев.

И. БЕЛОВ

Фото автора.

Юрий БОНДАРЕВ

«БЕРЕГ»

вторая и третья части

В прошлом году в «Огоньке» (№№ 45—50) была опубликована первая часть романа Юрия Бондарева «Берег». Герой книги писатель Никитин вместе со своим товарищем по перу Самсоновым приезжает в ФРГ по приглашению Гамбургского литературного клуба. Там он встречается с госпожой Герберт, которую Никитин впервые увидел двадцать шесть лет назад, — тогда, весной 1945 года, его батарея сражалась под Берлином.

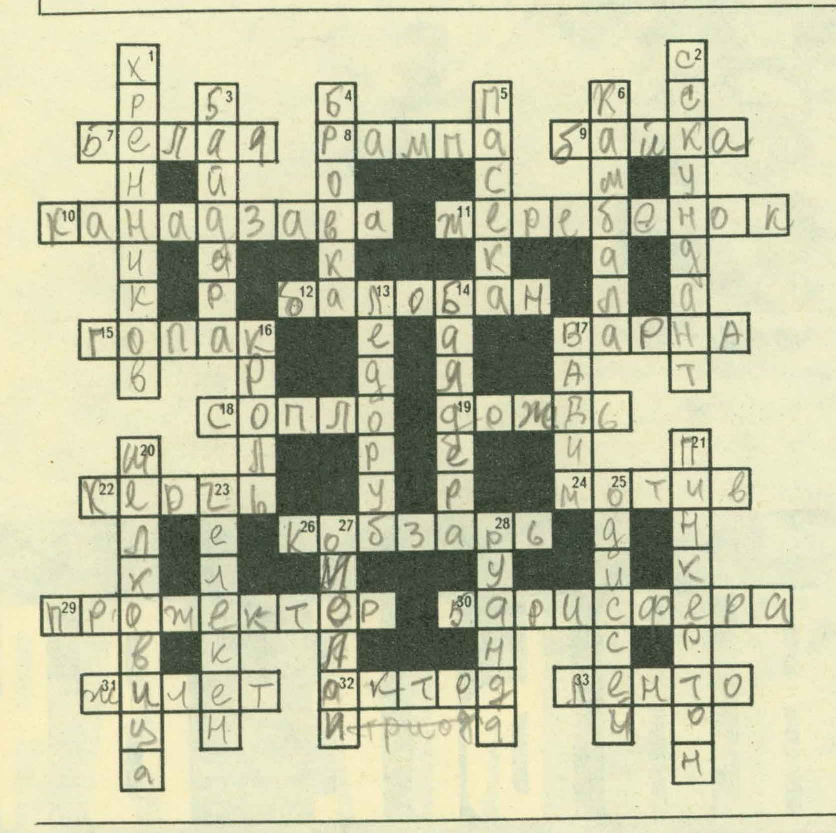
Опубликованные главы романа Ю. Бондарева привлекли большое внимание читателей. В редакцию продолжают поступать отклики. Из города Горького пришло письмо: «Уважаемая редакция! Мы, постоянные читатели «Огонька», восхищены новым романом Ю. Бондарева «Берег». Но недовольны, что вы прекратили его печатание после № 50. Просим продолжить роман в 1975 году с первого номера. Читатели: Крылова, Суворова, Елкина и др.». Из Краматорска С. Д. Голушко пишет: «Все в этом произведении очень здорово! И очень талантливо. Побольше бы таких произведений, приносящих радость нам, читателям». В отдельных письмах автора упрекали в чрезмерной откровенности страниц романа, рисующих неприглядные стороны современного западного образа жизни. «Но вообще-то я, наверно, не права», — пишет при этом Т. П. Маркина из города Николаева. Верно: в романе «Берег» язвы буржуазного общества обнажены беспощадно. Юрий Бондарев резко, без фиговых листков показывает оборотную сторону подкрашенной снаружи буржуазной действительности.

Идя навстречу просьбам читателей, с согласия автора и редакции журнала «Наш современник», где роман Ю. Бондарева начинает печататься с № 3,

«Огонек» с № 12 продолжит публикацию романа Юрия Бондарева «Берег».

Иллюстрации И. ПЧЕЛКО.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Приток Ангары. 8. Барьер вдоль авансцены. 9. Ворсистая ткань. 10. Город в Японии на острове Хонсю. 11. Рассказ М. А. Шолохова. 12. Птица семейства соколиных. 15. Украинский народный танец. 17. Курорт в Болгарии. 18. Движитель ракет и реактивных самолетов. 19. Атмосферные осадки. 22. Город-герой. 24. Мелодия, напев. 26. Сборник стихов Т. Г. Шевченко. 29. Осветительный прибор. 30. Ядро земного шара. 31. Мужская одежда. 32. Электронная лампа. 33. Медленный темп в музыке.

По вертикали: 1. Советский композитор. 2. Ассистент боксера. 3. Промысловая лодка. 4. Народный поэт Белоруссии. 5. Пчеловодное хозяйство. 6. Глубоководная рыба. 13. Альпинистский инструмент. 14. Оперетта И. Кальмана. 16. Стиль плавания. 17. Роман М. Ю. Лермонтова. 20. Тутовое дерево. 21. Действующее лицо оперы Дж. Пуччини «Чио-Чио-Сан». 23. Полуостров у восточного берега Каспийского моря. 25. Герой древнегреческого эпоса. 27. Река в Якутии. 28. Государство в Центральной Африке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали: 3. Подснежник. 7. Карабин. 8. Каратал. 9. Плуг. 10. Наманган. 13. Фата. 17. Эстония. 18. Левитан. 19. Лексикология. 22. Линотип. 23. Боливар. 24. Айон. 25. Оригинал. 28. Ложа. 31. Цилиндр. 32. Каботаж. 33. «Двенадцать».

По вертикали: 1. Ядрица. 2. Ангара. 3. Плащ. 4. Квас. 5. Фамусов. 6. Катализ. 9. Пословица. 11. Миссисипи. 12. Гамильтон. 14. Амальгама. 15. «Фиделио». 16. Меринос. 20. Погодин. 21. Пилотаж. 26. Руднев. 27. Ананас. 29. Диод. 30. «Новь».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Герой Социалистического Труда Б. А. Аксенов. Четверть века работает он экскаваторщиком на Назаровском угольном разрезе, освоил машины самых разных типов и дал путевку в жизнь не одному десятку учеников.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

Вечерний Дивногорск.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 10/II—1975 г. А 00528. Подписано к печ. 25/II—1975 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. 280. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 179.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Вираж: скорость плюс мастерство.

Фото А. БОЧИНИНА

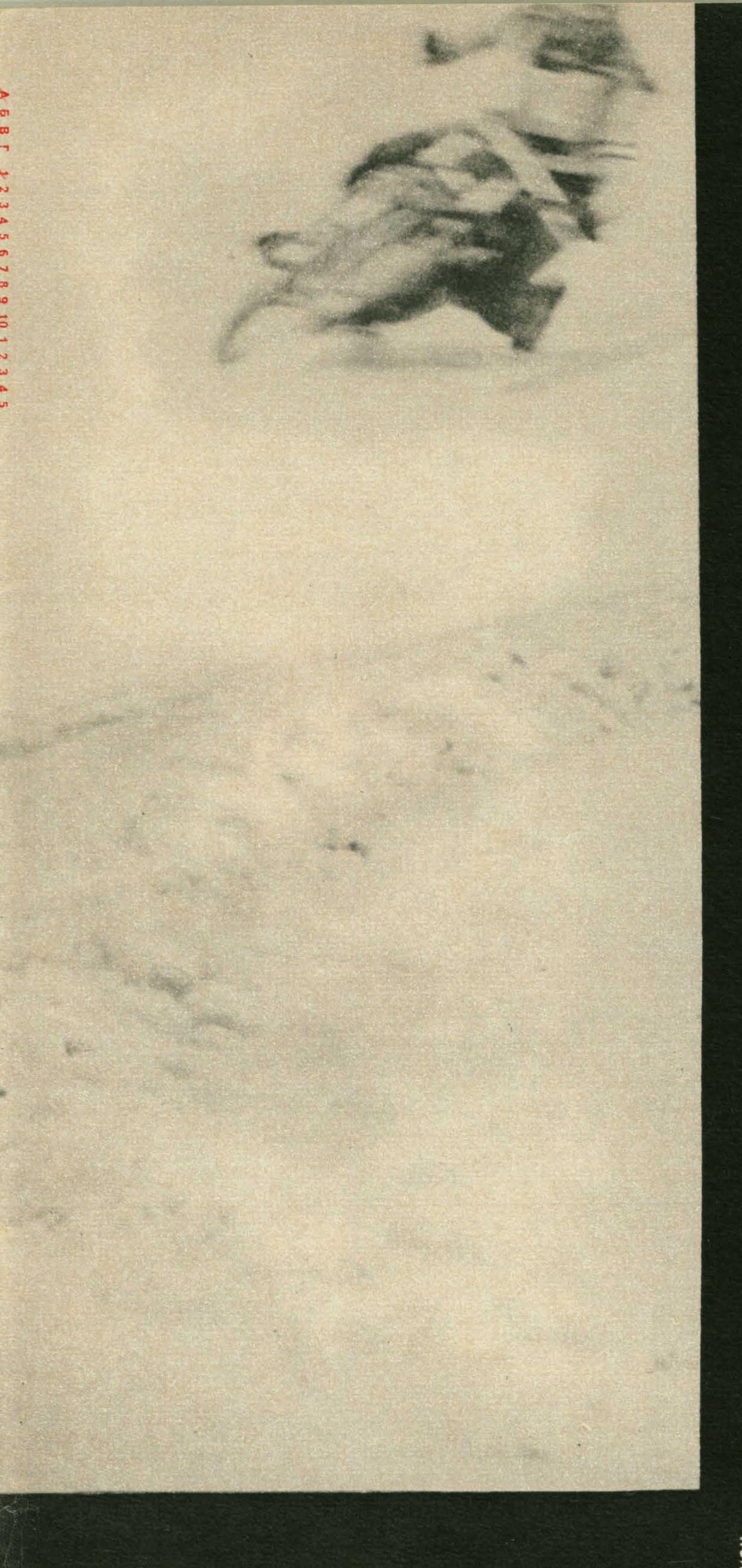
ЛЕДЯНЫЕ ВИ

Лед, рев моторов, скорость... Февраль подарил москвичам захватывающее зрелище — мотогонки на льду, в которых участвовали сильнейшие спортсмены Голландии, Чехословакии, Швеции и СССР. Шла борьба за звание чемпиона мира 1975 года. С огромной скоростью — зачастую выше ста километров в час — гонщики пролетали прямые отрезки ледяной дорожки, а потом резко укладывали свои машины набок, входя в крутые виражи... Высокое мастерство, выдержку и смелость показали советские спортсмены, заслуженно завоевав все три призовые места. Лучший из наших гонщиков — студент Новосибирского педагогического института Сергей Тарабанько — выиграл все заезды и стал чемпионом мира.

Б. СМИРНОВ

Очень важно выиграть на старте...

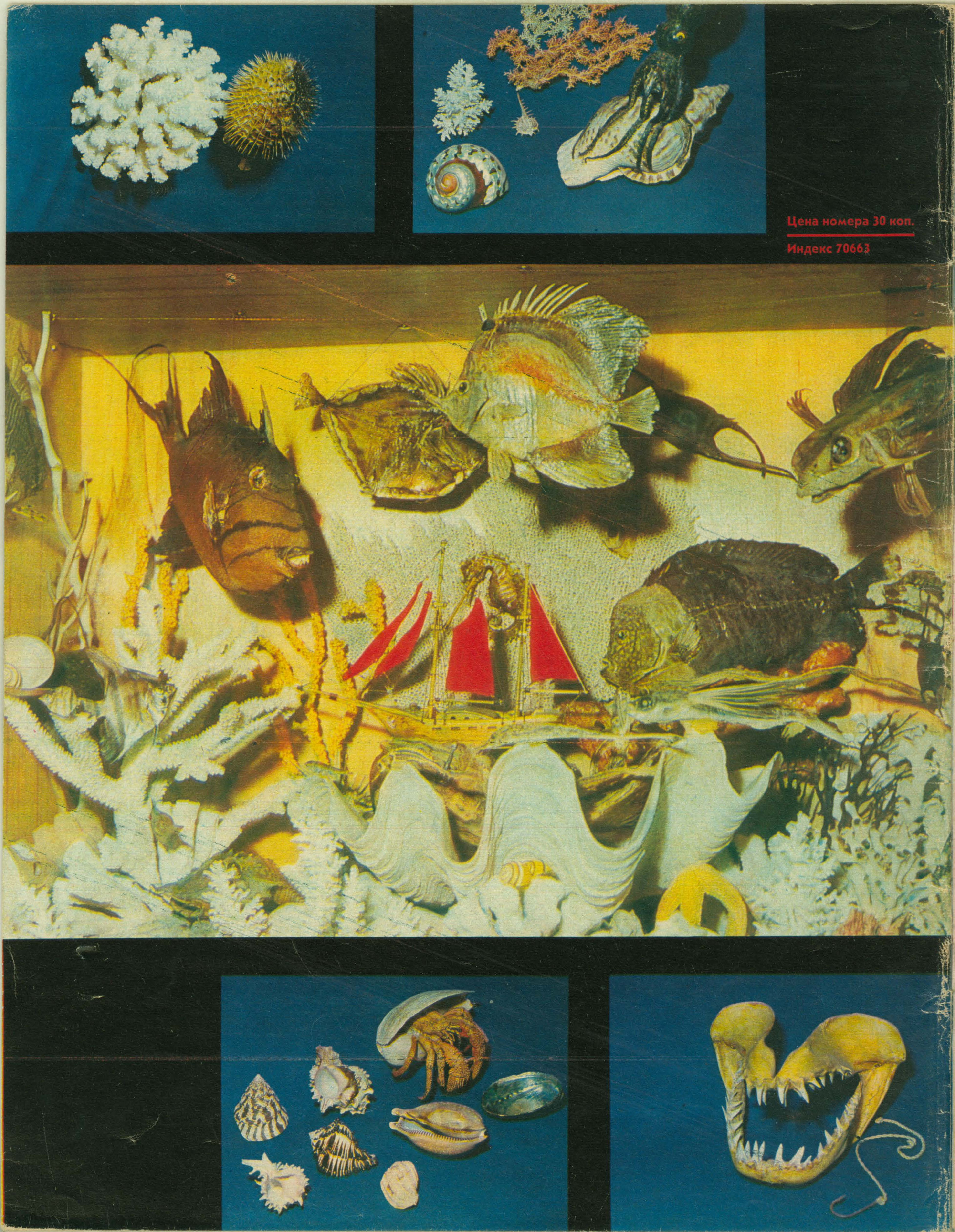

РАЖИ

Все медали — наши! С. Тарабанько, В. Цибров и С. Казаков (справа налево).

Первый день чемпионата. С. Тарабанько, пока еще не чемпион.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663